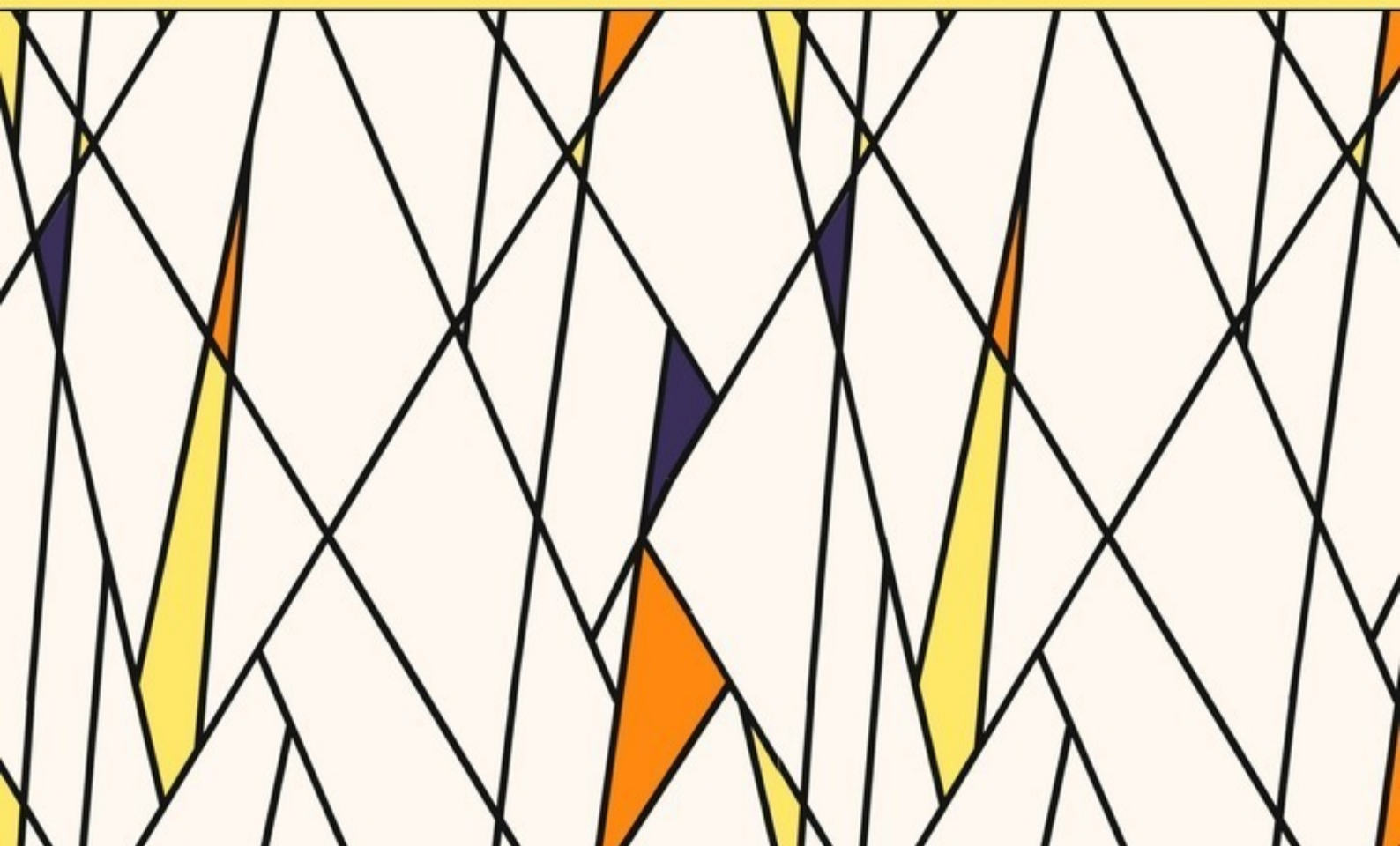

Александр Миронов

Ультрафен. Роман

Книга 1

Александр Миронов

Ультрафен. Роман. Книга 1

«Издательские решения»

Миронов А.

Ультрафен. Роман. Книга 1 / А. Миронов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858213-4

Пропал человек. По этому делу работает капитан Феоктистов. Поиск сводит его с изобретателем Бердюгиным, который предлагает с помощью ультрафена провести ряд расследований. По двум делам находят настоящих убийц, позже и третьего. Но первое и третье убийство затрагивают «честь» правоохранительных органов. К расследованиям подключаются люди из прокуратуры города и области, с целью эти дела замять. Следователь ведет сбор данных и выходит на бывшего прокурора автономной республики.

ISBN 978-5-44-858213-4

© Миронов А.
© Издательские решения

Содержание

Введение	6
Часть 1	7
Москва. Ярославский вокзал	8
Майск	10
1	11
2	15
3	21
4	23
5	27
6	31
7	33
8	38
9	43
10	47
11	49
12	51
13	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Ультрафен. Роман Книга 1

Александр Миронов

© Александр Миронов, 2017

ISBN 978-5-4485-8213-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

Эта история произошла давно, хотя услышал я о ней несколько лет спустя после её свершения. И, быть может, она меня не заинтересовала бы, прошла бы мимо моего внимания, как очередной забавный случай, сочинённый людской фантазией. Наверное, все так бы и произошло. Но, в этой истории я услышал нечто интересное, выходящее из ряда проходных вещей, что осело в моём сознании и моей памяти. И чем дальше уходило время от этих событий, тем все чётче прорисовывался сюжет повести, которую впоследствии, из-за многоплановости сложных сюжетных линий, плавно перетёк в роман.

В нём меня подкупили три вещи.

Первая. Наличие некоего уникального прибора. Некоторые, очень малый круг посвящённых, утверждают, что он был, и что это не фантастическая выдумка, а плод рук человека и его ума, который помогал следователю в раскрытии тяжких преступлений, убийств.

Вторая. Это персонажи, прототипы которых я когда-то знал. С некоторыми из них был знаком близко, и не очень. Иных просто раз-другой видел. Некоторых любил, и уважаю до сих пор. Ради них я и взялся за перо, ибо нет другого мотива у писателя, как поведать о хороших людях, которых окружают, к сожалению, немало плохих, и с которыми в силу служебного долга, товарищеского долга, или просто по человеческой сути своей им приходится бороться. Порой даже в меньшинстве, не в выгодных для них условиях. Порой завидомо обрекая себя на проигрыш, фиаско, ибо не во всякой общественно-политической обстановке в обществе и в стране им можно выжить. Тут грустное и прекрасное в человеческой судьбе переплетаются, если смотреть со стороны равнодушным наблюдателем. А каково ему самому в жизни на самом деле? И что им руководит, что его направляет? Этого не всегда удаётся понять, раскрыть. В жизни они редко становятся героями. В жизни они в большинстве своём изгой, неудачники. Правда и честность, порядочность – это ведь такие понятия, которые в отдельных сообществах воспринимаются как нечто презренное, нарицательное. Это только в сказках русские простофили в конце своего пути достигают счастливого конца, каких-то благ, каких-то почестей. В жизни же гораздо сложнее.

Третья. Естественно, любовная составляющая, как это и должно быть во всех романах, ибо без этого они просто были бы скучны и неинтересны, безвкусны. Но в данном случае, любовь немного не обычная между главным героем и его визави – пылкая, юношеская, безотчётная. И рядом – осторожная, мучительная, грустная, поскольку безответная. И тут же – неожиданная, случайная. Словом – сколько людей, столько и любовных вариантов. Но в романе речь пойдёт о не придуманных историях. Однако, имена героев повествования с именами и фамилиями здравствующих людей, прошу не отождествлять – это чистое совпадение.

Но, пора и к делу. И так...

Часть 1

Май. 1977 год.

Москва. Ярославский вокзал

Ночь. Слышны редкие объявления о прибытии и убытии поездов. Вызовы служащих вокзала... Одни пассажиры прибывают, другие убывают. Неспешная ночная сутолока. Люди спят: кто на сиденьях, кто на вещах возле стен и окон, кто на полу, подстелив под бока газеты. Поезда, по не понятным для пассажиров причинам, задерживаются от часа до суток, и более.

Один из пассажиров, лет сорока, темно-русый, с лёгкой проседью, с приятными чертами лица волевого и сильного человека, спит в кресле, немного скатившись с сиденья, голова запрокинута на спинку, ноги вытянуты. Под рукой жёлтый полупустой портфель, на который он навалился боком и смял.

Сон у пассажира тяжёлый, и в зависимости от сновидений, лицо его меняется от переживаний.

Ему снится помещение старого дома, похожее больше на барак. В продолговатой комнате на столе стоит гроб. В гробу покойник в офицерском френче без погон. На груди награжденные планки и нашивки за ранения. В комнате пусто и голо.

У стола возится мальчик. Ему четыре года. Он пытается дотянуться и посмотреть на того, кто лежит в гробу, он хочет увидеть его лицо. Ребёнок тянется из последних силёнок, и ему удаётся увидеть лишь половину лица: заострившийся нос, восковой лоб, сжатые губы, раздвоенный с ямочкой подбородок.

Он понимает, что это его отец. В его глазах недоумение и слезы, но мальчик не плачет. Он весь сосредоточен на своих усилиях. Ему очень хочется увидеть отца...

По залам ожидания по рядам пассажирских сидений проходит милицейский наряд, двое. Останавливаются. Их взгляды пробегают по спящим и бодрствующим пассажирам.

– Слушай, – говорит один другому, – этот мужик, который день здесь ошивается.

Второй милиционер кивает и, подойдя к спящему, пинает его в подошву ботинка.

– Эй, дядя, хватит спать. Приехали.

Пассажир вскидывается и на доли секунды растерянно смотрит на стоящих перед ним милиционеров. Глаза его широко открыты и в них наделели слёзы.

– Ваши документы?

Спавший встряхнул головой, прогоняя остатки сна, провёл рукой по лицу и тяжело вздохнул. Достал из кармана костюма паспорт и подал.

Милиционер, просматривая документ, спросил:

– Проездом?

– Да, ненадолго... Дня через три обратно.

– А что же на вокзале?

– В гостинице мест нет.

Милиционер, как бы соглашаясь, кивнул и в то же время строго сказал:

– Но и на вокзале спать не положено.

– Я понимаю... Но ситуация такая. И остановиться негде.

– А вы что здесь, по делу?

– Да.

– И какому же? – спросил милиционер, постукивая паспортом по ногтю пальца.

– Да как вам сказать... На приём я. В ЦК партии.

– Фьють!..

– Вызывали или сам?

– Сам.

– Значит, жаловаться.

Мужчина пожал плечами.

– Понятно, – по лицу блюстителя порядка пробегает ирония.

– Ну, так вот, гражданин, – сказал второй милиционер, – освободите вокзал. Здесь вам не ночлежка.

– Да-да, я понимаю... Сейчас, – заторопился гражданин, ещё раз стирая с лица сонливость, тревогу от сна и от неожиданной встречи с блюстителями порядка.

Мужчина поднялся, принял поданный паспорт и направился к выходу из вокзала, обходя спящих пассажиров. Сотрудники некоторое время смотрят ему вслед, потом тот, что проверял документы, сказал:

– Очередной жалобщик, склочник.

– Поразвелось их. Откуда?

– Из Сибири, из Майска.

– Сами не живут спокойно и другим не дают.

Милиционеры направляются дальше по залу, кое-где переступая через ноги спящих пассажиров. Некоторые из них бродячего вида. Но этот контингент, населяющий вокзал, привычный, мало интересуется их, и потому могут спать спокойно.

Ночь прохладная. Город в огнях. Но на душе человека, вышедшего на улицу, одиноко и тоскливо. Мужчина поёживается, осматривается и медленно направляется к Ленинградскому вокзалу.

Прежде чем войти в вокзал, он внимательно посмотрел сквозь стеклянные двери – нет ли милиционеров? Вошёл. Какое-то время походил по залам, затем, найдя уединённое свободное место, сел на сидение, достал из портфеля старую газету, стал просматривать её, – в который раз. Вскоре, незаметно для себя, уснул, навалившись на сумку боком.

Майск

1

В сквере «Пионеров», что раскинут за кинотеатром «Победа», на скамейке лежит человек. Одет он просто, едва ли не по-домашнему: клетчатая рубашка, темно-зелёные с лавсановой нитью штаны, у него даже на ногах домашние тапочки. Можно предположить, что человек прилёг отдохнуть на свежем воздухе, пригретый солнышком, под птичий гомон и шелест листвы. От сладкого сна, в уголке рта нардела слюнка...

Идиллия не заслуживала бы особого внимания, если бы не порожняя бутылка «Солнцедара», тоже отдыхающая в тенёчке под скамейкой на зелёной травке. Столь милое соседство, разумеется, не осталось без такового.

По аллее, патрулируя, прогуливались два милиционера. У них тоже было лирическое настроение, и потому один из них сказал, проходя скамейку:

– Пусть спит.

Но у второго служебный долг преобладал над сантиментами, и он выразил несогласие.

– В вытрезвитель надо. Нечего засорять город. Читал постановление горсовета и приказ по отделению: всех пьяных отправлять в медвытрезвитель.

– Читал, – со вздохом ответил его товарищ, пытаясь, видимо, этим выразить своё либеральное отношение к тем пьяницам, что умеют наслаждаться природой, не нарушая её прелести и общественного покоя. Но он был в подчинённых.

– Дуй в «Победу»! Звони, пусть приезжают, – приказал старший сержант, что младшему пришлось выполнить, подчиняясь не только приказу, но и вместе с ним всем важным инструктивным предписаниям.

Вскоре у воротец сквера, со стороны улицы Олега Кошевого, остановился медвытрезвительский воронок. Два сержанта, прагматик и либерал, объединённые общей задачей и долгом, подхватили спящего на лавке человека под руки и поволокли к машине.

Мужчина, проснувшись, запротестовал, от испуга, видимо, заикаясь.

– Ребята!.. С-сынки!.. З-зачем? Я рядом живу. Я, я сам у-уйду. Я только подышать вышел.

– Идём, идём, там подышишь.

– С-сынки, да вот мои окна. В-вон, поди, моя бабка смотрит...

– И любитесь, как её муженька под белы ручки волокут.

– Да я ж н-не пьяный!

– Ага бутылку «Солнцедара» залудил и трезвёхонький. Ха!

У машины их встретил старший сержант, водитель «воронка». Чернявый, с татарской наследственностью на лице, резким взглядом в слегка раскосых глазах.

Старший сержант, встречая клиента, заговорил с ласковой грубостью:

– Ах ты мой трезвенник остекленевший. – Подхватил мужчину, помогая коллегам, и вместе они стали заталкивать его по ступенькам в будку. – Лезь, лезь, скатина! Поерепенесь тут, не то, как дам по кумполу, в раз похмелка выскочит.

Такая острастка сержантам понравилась, и они рассмеялись.

– Да не пьян-ный я! – с плачем прокричал человек, но за ним захлопнулась дверь «воронка».

Мужчина со слезами на глазах прошёл ближе к решётке, к кабине водителя. Правую руку завёл под рубашку и держал её на груди, морщась от неприятного в ней покалывания, жжения в области сердца.

Скрипнул запор. За будкой послышались шутки милиционеров.

– Трезвенник, в душу мать! Ха-ха! – смеялись они, удовлетворённые своей работой.

– Ну, ладно, пока. Если что, звоните, прискочим. У нас счас пусто, всех принимаем.

– Годится, Саша, позвоним.

Машина тронулась. Водитель ехал, ничуть не беспокоясь о пассажире, на ухабах и неровностях на дороге скорость не снижал и тормозил так, как если бы в кузове вёз дрова. И от такой болтанки в будке, человек из последних сил держался за прутья в окошечке, чтобы не дать разрастись огню в груди, все более усиливающемуся.

«Воронок» остановился в ограде медвытрезвителя. Старший сержант, выскочив из машины, открыл дверь кузова и спросил:

– Ну чё, мужик, сам выйдешь или мне за тобой лести?

– Выйду, выйду...

Задержанный, пошатываясь, после пережитой тряски, подошёл к выходу. Подслеповато щурясь от яркого света дня, осторожно стал спускаться по ступенькам машины. На ступеньке с ноги свалился тапочек, но он не успел подцепить его на ногу, поскольку милиционер, схватив за руку, поволок мужчину к белому одноэтажному зданию.

– погоди! погоди, молодой человек, тапочек... Тапочек дай надеть!

– А, ёх калагай! Ну!..

Вернулись. Задержанный едва надёрнул тапочек на ногу, и его тут же поволокли к зданию.

В дежурной комнате медвытрезвителя продолжали бушевать страсти. Они начались ещё при Саше, не затихали и в его отсутствие. За столом сидели трое: начальник «богоугодного» заведения, старший лейтенант Бахашкин Борис Николаевич, или Шалыч; круглолицый, с искривлённой переносицей, с узкими глазками, на вид добродушный, однако, капризный бурят. Старший лейтенант грузноват, налитой плотью и кровью, взгляд безразличный, пренебрежительный.

Медбрат, Андрей Глотко, среднего возраста белёсый украинец, он в белом халате, с закатанными до локтей рукавами. Младший сержант Вася Мизинцев, молодой, улыбающийся всему и всегда, услужливый малый, в медвытрезвителе новый человек, поэтому больше на подхвате, на исполнении. Все трое к поступившему пациенту не проявили ни малейшего интереса. Продолжали игру в карты.

– Куды его, Шалыч? – спросил Саша, подводя посетителя к стойке.

– Ошманай, да в третью сунь. Пушай поохладца, – ответил старший лейтенант. – Храплю!

– Я пас, – младший сержант сбросил карты.

Старший сержант бесцеремонно вывернул карманы посетителя и обескуражено проговорил:

– Каво они нам подсунули?.. Ну и клиент пошёл, – и прикрикнул: – А ну, скатина, раздевайся!

Мужчина взмолился, на его вспотевшем рыхловатом лице, проступила бледность.

– Товарищи! Сынки! Да не пьяный я! Ей-богу, не пьяный. Это недоразумение.

– Все вы не пьяныя, – лениво проговорил Бахашкин. – Все трезвыя, как стеклышка...

– Да нет же!.. Доктор, голубчик, дай трубку, дыхну. У меня сердце больное, мне вообще пить нельзя. Мне худо было, вот я и прилёг на скамеечке, соснул.

Медбрат посмотрел оценивающе на одутловатое, отмеченное печатью недуга лицо пациента, в его глазах промелькнуло намерение проверить посетителя, он даже отложил карты, но начальник медвытрезвителя имел свой внутренний прибор, который ставил диагноз безошибочный, натренированный за долгие годы службы на вверенном ему объекте. Диагноз он ставил точный и окончательный.

– Са вчерашнева ешо не одыбал. Не отвлекайса, Глот, ходи!

И медбрат осел.

– Да товарищ старший лейтенант! Да посмотрите вы! Да не пьян я! Не пьяный!..
– Заткнись!

Мизинцев услужливо спросил:

– Может записать в журнал?
– Потом запишу. У меня очко! У тебя сколь?
– Семнадцать, – ответил Глотко.

Бахашкин, самодовольный, с ленивой ухмылкой стал собирать выигранные деньги.

Саша заученными движениями рук ловко расстегнул и выдернул из брюк посетителя ремень и бросил его на стойку перегородки.

– Скидай штаны! Рубаху! Ну!

– Нет, да вы что здесь?.. Совсем оскотинились? Человеческого языка не понимаете?
Да я...

– Сашька, да успокой ты его! – недовольно проговорил Шалыч.

Посетитель ойкнул и задохнулся от сильного удара по боку. Согнулся и, чтобы не упасть, одной рукой ухватился за перегородку, другой за грудь, медленно переводя её на бок на ушибленное место. Он выдал стонущие звуки, которые Шалыч понял по-своему.

– Он, однаха, нарыгат здесь. Давай, помоги Сашьке, – толкнул он Мизинцева.

Младший сержант проворно выскочил из-за перегородки. Они вдвоём стащили с обмякшего посетителя одежду и в одних трусах поволокли в душевую кабинку. У двери мужчина, ещё пытаясь сопротивляться, упёрся рукой в косяк, но новый удар по боку, ослабил его усилия. Он стал оседать на пороге.

Два молодца подхватили обессиленное тело и затащили в кабинку. Без особых церемоний опустили его на решётку на полу и для убедительности, чтобы не представлял всяк сюда вошедший, медвытрезвитель раем, Саша отвесил посетителю под зад приварок от сапога сорок третьего размера. Глаза Саши были злыми, лицо выражало крайнюю степень недовольства – бедных посетителей он не любил.

Саша последним вышел из кабинки, закрыл на задвижку дверь и, не глядя на сборку смесителя воды, находящуюся в промежутке между дверями кабинок, открыл воду, быстро вращая штурвальчик вентиля. В кабине зашумела вода из рассеивателя.

Сержанты вернулись в дежурку, и игра продолжилась вчетвером.

Какое-то время из душевой доносились возгласы, зов о помощи, стоны. На что Шалыч заметил:

– Ишь как забрало, однахо!

Но все стихло.

Сотрудники увлечённо играли, вскрикивали, матерились. И чаще всего слышался взрывной голос Саши. Ему фартило. Служба шла, денежки капали.

А тем временем по помещению расползлся туман. Он был насыщен влагой, прилипал к стенам, к окнам, к потолку, конденсировался и выходил в открытую дверь на улицу. Окно в дежурке постепенно помутнело, чего не сразу смогли заметить игроки, ибо азарт хоть и широко раскрывает глаза, но в них свой алчный свет.

Первым внимание обратил на капли, упавшие с потолка на пол, Вася. И воскликнул по-детски искренне и удивлённо:

– Ой! Капает... Кажется, дождь начинается!

– Из-под носа у тебя капит, – усмехнулся меланхолично Бахашкин и поднял глаза от стола. – Ох, ты ё..!

Какое-то время всех сковала общая неподвижность, непонимание сути происходящего. Но первым в движение пришёл Саша. Он сорвался с места и, изрыгая ругательства на русском и татарском языках, скрылся в пару, в глубине помещения.

Душ стих. И оттуда, из душевой, слышались ещё более громкие вопли, Сашина матерщина.

– Су-уки-и!.. Чё-мы-на-де-ла-ли!.. – это был рёв отчаянной души.

Крик привёл в движение игроков. И все бросились к источнику его извержения.

Первым в кабинку вбежал Бахашкин. Переломившись пополам, приседая под паром, стал разглядывать то, что могло так не то напугать, не то удивить Сашу, – а он парень на редкость толстокожий. Наша школа. И то, что увидел Шалыч, его заставило потерять самообладание.

– Однаха, бляха, он скипел! Ай-яй, сварился, бляха! – Шалыч хотел было встать на четвереньки, чтобы получше разглядеть лежащего на решётке человека, но обжёг руки и колени о кафель пола. – Ай-ой! Однаха, горячо!

– Ага, – поддакнул Мизинцев, вбежавший следом и стирая с лица пот или влагу от пара.

Пар от кафеля курился, но видно было, что человек, лежащий на нём, был мёртв. Кожа на его ногах полопалась, и белело сваренное мясо.

– Скипел!.. Савсем сварился!.. – стонал Бахашкин.

И Вася участливо поддакивал ему в тон, присев на корточки. Чувствуя, как самого пронимает жуть и подпирает тошнота.

Бахашкин в недоумении обернулся на товарища, поморгал глазками, смаргивая с них не то пар, не то слезы, и вдруг ударил кулаком по участливой физиономии. Из кабинки раздался крик, возня и ругань Шалыча.

– Ты включил горячий кран, да?! Ты, ублюдка русская!.. Убью, однаха!

Медбрат, выскочивший из дежурки последним, тут же потерял из вида своих товарищей. В это же время, к выходной двери на улицу, от кабинки метнулся Саша. Он хотел перепрыгнуть кушетку, стоявшую посередине зала, на которой обслуживались клиенты совершенно не дееспособные, ломающиеся на составные части, но, зацепив за край, опрокинул её, едва сам не упал и не зашибся о кирпичный угол дверного косяка.

В этот момент на пути падения кушетки возник Глотко. Напуганный трагическим предчувствием и промелькнувшей в пару тенью Саши, он не распознал движения топчана, и топчан, как гильотина, опустился на ноги медбрата. Это вызвало ещё больший рёв в гулком помещении медвытрезвителя.

– О, шоб ты обкаавси! О, шоб тоби очи повылазылы! Ты ж мени усе ноги переполомав...

Но Саша его проклятия не слышал, да и было ему не до них. Он метался по двору медвытрезвителя и там клял себя.

– Как?! Как я мог ошибиться? Как я мог включить горячую воду? Ну, м...к, анан сагаям! Сварил мужика! Что будет?!.

2

По Ленинградскому проспекту, в квартал «А», следуют две легковые автомашины. Первым идёт «москвич-412» – на капоте – ГАИ. Вторая – белая «Волга», ГАЗ-24. Её ведёт сам начальник ГАИ города, Заичкин Владимир Васильевич. Это его личная машина, новая приобретённая неделю назад.

– Хорошая машинка, Владимир Васильевич. Когда купили? – просил Феокистов.

– Новая, с иголочки. Неделю назад, ваше сиятельство.

В салоне засмеялись.

В «Волге», кроме хозяина, четверо. Трое, друзья Владимира Васильевича, ведут трёп и как всегда – о женщинах. Шёл разбор полётов на пикнике по случаю обмывания колёс, которые сейчас, весело шурша по асфальту, передвигали пассажиров в заданном направлении.

Феокистов, сидевший с боку на заднем сидении, смотрит в раскрытое окно, подставив встречному ветру лицо. Он молод, двадцати семи лет, русоволос, лицо слегка удлинённое, лоб широк, нос прямой. Глаза голубые, веки и брови густые белёсые, выгоревшие на солнце. По-мужски он красив. На нём белая рубашка, рукава закатаны, ворот расстегнут, за отворотом видна полосатая маечка-тельник.

– Вы откуда, граф? – спросил Заичкин.

– Из посёлка Зверево. Там рыбака из Ангары выловили.

Капитан Феокистов возвращался к себе в отдел. Возвращался из посёлка Зверево, где принимал участие в осмотре выловленного из Ангары трупа. Туда и обратно на рейсовом автобусе и уже от второго отделения милиции, что у кинотеатра «Победа», повезло, с комфортом и в компании начальника ГАИ города.

Анатолий не участвовал в разговоре, ему не столь интересном, раздумывал о делах своего отдела. В принципе работа шла нельзя сказать, что плохо, но кое-какие проволочки мешали её проведению.

Да вот хотя бы их новый начальник отдела – майор Прокудин. Нет, от него явного вреда нет, но и пользы пока не заметно. Человек новый, несколько странноватый, не до конца ещё им (Феокистовым) понятый, а потому –стораживающий. И дела, в которых начали проявляться некоторые лица, в городе не последние, приходится до поры до времени прикрывать, вести скрытно. Какая-то поверхностность в деятельности майора наблюдается, формалистика, показуха. Много обещает товарищ, а на практике – все его слова никаким образом положительно не сказываются на отделе.

Вот взять хотя бы отсутствия транспорта, легковой машины. Ну, хоть какой-нибудь задрипанный «москвичонок» был. Или, как этот аппарат называет Миша Михалёв, – «москвач». Никакой оперативности. На срочные вызовы или задания – на перекладных или побирайся, клянчи всякий раз тот же ПМГ в дежурном отделении, а то и знакомых. И через голову не разрешает эти вопросы поднимать на докладах.

– Все оргвопросы – решаю я. Твое дело – оперативная работа.

И, действительно, в оперативную работу сильно не вникает.

Да и так, похоже, ни раба, ни мясо...

Параллельно шоссе, с правой стороны, тянется трамвайная линия, по которой бегут трамваи. Встречаясь, они презваниваются.

Проехав 11, 12 и 13 микрорайоны, машины ГАИ повернули направо, на перекрёстке простучав колёсами по трамвайным путям, и направились в квартал «А».

Микрорайон квартал «А» утопал в зелени. По сути – это целый комплекс, состоящий из нескольких кварталов. Наряду с кварталом «А», здесь есть кварталы «Б» и «В» и «Г»...

Но с того момента, как был заложен этот городок, и так необычно, на некотором расстоянии от основного города, за лесами, за полями, и строительство его вело загадочное предприятие под военным литером Министерства среднего машиностроения, что в народе именуется «ящиком», – то и до сего дня его, этот жилой массив, прозывают по первому построенному микрорайону – кварталом «А».

В отличие от городских, где нумерация ведётся числами, тут – в алфавитном порядке. Первые годы квартал «А» и город соединяла дорога, отсыпанная гравием. Затем её заасфальтировали, расширили, и по сибирским масштабам – значительно, эта дорога стала автострадой и прямой, как стрела. Наверное, поэтому её называли Ленинградским проспектом, подразумевая, видимо, ту, что соединила когда-то Санкт-Петербург и Москву. И эта аналогия стала ещё более существенна, когда с боку проспекта пролегли рельсы, и застучали трамвайные колеса.

Машина миновала ателье мод, магазин «Одежда», ресторан «Баргузин». С левой стороны обогнули стадион «Ермак», выехали на улицу «Красная» и там остановились у белого кирпичного трёхэтажного здания – Управление Внутренних дел города, о чём свидетельствует бордовая доска под стеклом у входа.

Из «Волги» вышел один Феоктистов.

– Владимира Васильевича за предоставленную услугу, за оказанное внимание – благодарствую.

– Будьте здоровы, ваше сиятельство граф, – отозвался в ответ Заичкин, усмехнувшись иронично: – Кха! – его, да и других милиционеров, забавляло прозвище следователя.

И эскорт начальника ГАИ, развернувшись, последовал дальше, в «четвёртый посёлок», где находится отделение ГАИ. «Контора» – как называет свой отдел сам майор Заичкин.

Феоктистов проводил «Волгу» задумчивым взглядом.

Со второго этажа здания за машинами наблюдал молодой человек. Он улыбался, и что-то говорил, оборачиваясь к кому-то, кто находился внутри кабинета. Феоктистов заметил его, усмехнулся и быстрым шагом взойшёл по ступенькам невысокого крыльца в здание.

Прошёл фойе дежурной части, приветливо кивнув дежурному, сидевшему за стеклянной перегородкой, и нескольким милиционерам, находящимся там же. Тем же торопливым шагом поднялся на второй этаж, пошёл по коридору, в котором стояли и сидели на подоконниках посетители, вызванные по повесткам в разные отделы.

В кабинете Феоктистов застал всех троих.

– Привет, парни!

– О! Граф Феокт! Здравия желаем! – ответил за всех Михалёв, следивший из окна за его приездом. – Такой эскорт, такое сопровождение! Сам начальник ГАИ города почтил вас своим вниманием. Он у вас, ваша светлость, не за личного ли шофёра изволит служить?

– За личного, сударь, за личного, – поддерживая тон, ответил Феоктистов.

– О, ну тогда мы просто снимаем шляпы. Дослужились. Спасибо нашему начальнику, добился-таки нам транспорт, и какой! Теперь ни один бандит или вор от нас не уйдёт. Вовремя вязать будем.

– Так, сударь, и продолжайте.

– Слушаемся, граф...

За их дурашливостью наблюдали Юрочкин и Анонычев, молодые сотрудники, и посмеивались.

Кабинет следователей представлял собой продолговатое помещение в одно окно, в котором вдоль стен, по два у каждой, стояли столы, при которых четыре небольших сейфа – наличность каждого следователя. Феоктистов шёл к своему столу, стоявшему справа у окна.

– Кстати, граф, – остановил его Михалёв, – вас хочет видеть, по каким-то нам неведомым делам, наш шеф. Пред его величием ваше сиятельство, как нам кажется, несколько

слиняет. Больно вид у них сегодня мало приятельский, – почмокал уголком губ, подражая начальнику.

Феоктистов, доставший ключи от сейфа, бросил их обратно в карман брюк. Остановился. Посмотрел на улыбающиеся лица коллег и, повернув вновь к двери, спросил:

– Мне кто-нибудь звонил?

– Я там, у тебя на столе, записал, – ответил сударь. – Два телефончика. И оба от женщин, – подмигнул. – Везунчик вы, граф Феокт.

– Да и какой-то мужик звонил, – сказал молодой следователь из аборигенов Эхирит-Булагатского района, Анонычев Андрей, бурят.

– Телефон оставил?

– Нет, сказал, позже перезвонит.

Феоктистов согласно кивнул и вышел из кабинета.

При его появлении в коридоре двое парней, вызванных по повесткам, привстали с подоконника. Феоктистов, не обращая на них внимания, вошёл в следующую дверь, такую же, как и все на втором этаже, обитую чёрным дерматином.

Кабинет начальника отдела уголовного розыска города такой же по форме и размерам, как и у его подчинённых. Но внутреннее расположение мебели в нём несколько отличалось: два стола стояли посередине, приставленные т-образно один к другому, шкаф у входа под одежду и второй, напротив него, со стеклянными дверцами, с книгами и брошюрами внутри. У окна, где сидел хозяин кабинета, два сейфа, поставленные один на другой, и на столе три телефона: белый, красный, чёрный – последний без диска, прямая связь с начальником Гор отдела.

– Здравия желаю, товарищ майор. Разрешите?

– Привет, Толя. Входи, садись, – показал майор на стулья, стоявшие по обе стороны приставного стола.

Феоктистов прошёл, выдвинул стул из-под стола и сел.

Майор был в милицейской форме, но без кителя. Тот висел сзади него на спинке мягкого стула.

– Я вот чего хотел тебя видеть, Толя... Нет, сначала доложи, что там у тебя с угонщиками?

– Они не угонщики, Евгений Моисеевич.

– Вот как? Ты уже установил?

Феоктистов помедлил. Ответил:

– По крайней мере, нет прямых улик по вскрытии ими гаражей.

– А газовые баллоны, резак в «Жигулях». Это что, не улики? Не доказательства?

– И баллоны, и резак – это их имущество. Они перевозили их из одного гаража в другой. Из гаража Бахаревского в гараж Смирнова. Поскольку Бахаревский уезжает жить в Иркутск, и это установлено, он передал этот аппарат Смирнову. А какой автолюбитель откажется иметь у себя газосварку?

– Которую им понадобилось перевести ночью?

– Ну, это была не ночь, вечер.

– Ты их выпустил?

– Да. Прошло трое суток. Нельзя их более держать.

Майор Прокудин, продолжительно глядя на подчинённого, но не в глаза, а куда-то в переносицу, отчего взгляд кажется тяжёлым, пронизывающим, сказал:

– Да, Анатолий, да. У нас сколько, шесть вскрытых гаражей, три угнанных машины, так? В руках были два потенциальных взломщика, возможно, и угонщика, а что мы имеем? Мы что тут вообще делаем?

«Кое-кого вычисляем и вот-вот возьмём за жабры», – пронеслось в голове у Феоктистова, но вслух сказал:

– Михалев работает.

– А взломщиков-угонщиков?... – перебил Прокудин. – Вот то-то.

– Время нужно.

– Кто нам его даст больше, чем мы сами себе установили в обязательствах. Мы обязались каждый квартал иметь два-три раскрытых преступления? Обязались. Июнь на носу, а у нас ничего.

Феоктистов едва заметно усмехнулся.

– Ты извини, Женя, но у нас тут не производственные мощности по выпуску готовых болванок. У нас живой человек и использовать его в качестве исходного материала, штук, процентов как-то даже не этично.

– Ты что же полагаешь, что наш отдел и отдел ОБХСС, с которым мы соревнуемся, в своей работе проявляют бестактность, беззаконие?

– Но и навязывать какую-то арифметику неуместно и смешно.

Прокудин согласно покачал головой, недовольно причмокивая уголком рта.

– Оно так. Но не нами это заведено. И, хотим мы того или нет, это нас подстёгивает и дисциплинирует. Как по пословице: давши слово – крепись... И надо сказать, что отдел до сегодняшнего дня неплохо выглядел. Если мы постараемся, то в конце квартала нас вновь ожидает премия. Что тебе, плохо что ли иметь в кармане дополнительно тридцать-пятьдесят рубликов?

Феоктистов вновь иронично усмехнулся.

– Мы с тобой, как прорабы на стройке.

Прокудин зачмокал уголком губ.

– Что-то у нас не получается разговора сегодня. Ну ладно. Что там за утопленника прибило к нашему берегу?

– Зверевский участковый сообщил, что документов при нем не было. При осмотре, врач телесных повреждений не обнаружил. Похоже, утонул по собственному желанию.

– Где сейчас труп?

– В сангородке, в морге.

– А что не в городском морге?

– У них что-то с оборудованием не в порядке, закрыт.

– Когда наступила смерть?

– Предположительно, двое суток назад.

Прокудин достал из папки, лежащей на столе, листок и протянул Феоктистову.

– Вот заявление. От некой гражданки Шпарёвой Юлии Петровны. Мужик у неё пропал. Две или три недели назад. Не он ли ходил рыб кормить? Поработай. Возьми у неё фото муженька, сличи. А нет, так тащи её в морг на опознание.

Феоктистов принял заявление и поднялся.

– Хорошо, Евгений Моисеевич.

Задвинув стул на место, направился к двери.

– Относительно тех двух друзей, – догнал его голос майора, – не выпускай их из виду. Раскручивай, не рассусоливай.

Феоктистов выслушал, спросил:

– Можно идти, товарищ майор?

Майор махнул рукой: иди... Он был несколько обескуражен действиями своего заместителя, хотя особых претензий к нему и к сотрудникам отдела нет: работает неплохо, несмотря на молодость.

– О, их сиятельство! Посмотрите-ка, всего лишь слегка порозовел, – встретил Феоктистова сударь, не поднимаясь из-за своего стола, также стоящего у окна напротив стола Анатолия.

– Сейчас и вы, господин Михалёв, у меня покраснеете. Что там у тебя по гаражам?

Феоктистов прошёл за свой стол.

– Ах, во-от оно что. С вас за нас стружку снимали... – Михаил наигранно причмокивал уголком губ. – Ну что ж, докладáю. Мы на верном пути, товарищ замнач отдела уголовного розыска. Сегодня организуем ещё одну засаду. Есть все данные, что этой ночью в Байкальском кооперативе будет угон. Жду звонка от своего чела. Кстати, я уже докладывал, кто именно занимается этим промыслом, но хочу взять с поличным. Конечно, пока не его самого, но его поделщиков.

Феоктистов утвердительно кивнул, но заметил:

– Смотрите, не пролетите мимо, как стая рашпелей.

– Постараемся, – Михалев чудачил. Это была обычная манера его поведения.

Сергей Юрочкин собирался уходить. У двери остановился.

– Ну, я пошёл. Кого больше не увижу – пока! – попрощался он.

– Серёжа, – обратился к нему Михалёв, – ну ты подъедешь на облаву?

– Постараюсь.

– Сбор в двадцать два, в Байкальске. В пункте ДНД.

– Понял. Пока! – Сергей плечом толкнул дверь и вышел.

Феоктистов, молча, читал переданное начальником заявление, медленно доставая из кармана ключи от сейфа.

«Начальнику городского отдела милиции города Майск тов. Сапожникову В. М. от Шпарёвой Юлии Петровны, проживающей в квартале... дом 13, квартира 13, – («симпатичное сочетание, – мелькнуло в голове, – счастливики видно живут. Или проживали?») – работающей в п\о «Майскнефтеоргсинтез», ЛОУТ – инженер-программист. Телефон рабочий... Телефон домашний... Заявление. Прошу Вас помочь мне найти моего мужа, Шпарёва Юрия Максимовича, 1943 года рождения, который ушёл из дома 25 мая. 1977г. и до сегодняшнего дня не вернулся. У родственников, к которым я обращалась, его нет, и не было. У друзей и знакомых его тоже нет. Прошу помочь мне в его поисках.

Дата: 07.06.77г. Подпись».

– Похоже, шеф опять чем-то озадачил? – спросил Михалев.

– Да, Миша, у женщины пропал предмет. Просит организовать поиски.

– Предмет-то хоть стоящий?

– Похоже, коли так волнуется.

– И что же?

– Ни что, а кто: муж.

– Ха! Так делай правильно ударение.

Следователи рассмеялись.

– Раз так, то где-нибудь бульдулит, – сказал Андрей Анонычев, молчавший до этого.

– Третью неделю догуливает.

– Ну-у, это только чуть больше полмесяца, – констатировал Михалев.

– У меня в Усолье такой случай был. Я там практику преддипломную проходил, – продолжал Андрей. – Потерялся мужик. Жена туда-сюда, всех на ноги подняла. Как же, тоже муженька где-то недели две нет, пропал. То ли в лесу заблудился, поскольку ягодный и грибной сезон был; то ли в Ангаре утонул, поскольку рыбак заядлый. А может, кто пришел и концы в воду. Словом, по всем направлениям крутим дело, каблук до пят сбили. А он, хм, в конце месяца сам объявился. В Тулуне на чужом огороде пасся у какой-то матери

одноночки, клубничку собирал. Чем-то не угодил – выперла, к жене вернулся. Так и этот. На чужой, поди, клумбе засиделся. Пресытится, объявится.

– Все может быть, Андрюша, – согласился Анатолий. – Но заявление есть, завизировано, надо работать. Кстати, труп утопленника опознать надо. Может он... Андрюша, ты сегодня тоже подключайся к Мише.

– Да мы уже договорились. Я тут по квартирной краже в шестом микрорайоне побегу и подъеду.

– Миша, дружинников подключи. Только цель вашего вояжа обозначь в последний момент.

– Бу сделано, ваша светлость... – Михаил хотел ещё что-то добавить, но зазвонил телефон.

Феоктистов поднял трубку. Не успел ответить, как услышал голос Прокудина.

– Анатолий, немедленно поезжай в медвытрезвитель! Там чепе.

– Что случилось?

– Там эти м... ки мужика сварили в кипятке.

– Как?!

– «Как» – узнаешь на месте. Езжай. Кто-то из прокуратуры туда выехал.

– Есть!

Феоктистов бросил трубку и закачал от удивления головой.

– Час от часу нелегче!

– Что случилось? – спросил Михалёв. – Машину Заичкина угнали?

– Ещё чуднее. – Анатолий достал записную книжку и стал переписывать в неё телефонные номера с заявления Шпарёвой. – В медвытрезвителе мужика сварили.

– Ха!.. – возглас Михаила погас на полутоне. – Ну и ну...

Феоктистов открыл сейф и положил в него заявление. Поднялся.

– Толя, мне с тобой? – спросил Анонычев.

– Нет, Андрюша. Заканчивай по квартире и подключайся к Мише. Если у меня получится, то я тоже подъеду. Да, и по Заичкину пока начальнику не докладывайте. Надо самим тут разобраться. А то наделает шуму не попад.

Феоктистов вышел из кабинета и быстрым шагом поспешил по коридору, мимо стоящих у стен и у окон людей.

«Все-таки надо настоять, чтобы выставили для посетителей стулья, или сделали лавки», – подумал он на ходу.

Анатолий спустился на первый этаж в дежурную часть. Подошёл к бордюру, за которым сидел помощник дежурного.

– Вася, машина свободная есть? – спросил он краснощёкого сержанта.

– Нет, граф.

– В город, в город никто не едет?

– Да нет. Силантич недавно на вызов уехал. Где ты был раньше?

Феоктистов посмотрел на часы: 11.15.

– Торопишься? – участливо спросил Василий.

– Да.

– Сожалею, Толя, но ничем сейчас помочь не могу – все в разъездах.

– Ну, ладно, Васек, спасибо за сочувствие. Побегу.

3

В медвытрезвителе находилась бригада «скорой помощи»: врач Полина Васильевна, медсестра Мая и молодой водитель Володя.

Володя, прохаживался по помещению, равнодушно осматривал место происшествия.

Труп был осмотрен, Бахашкин и Саша уложили его на носилки и унесли в «скорую». На лице Шалыча уже не было прежней меланхолии, выпирающего высокомерия, оно было красным и нервным. В глазках едва скрываемый страх и недоумение. Губы тряслись, как у загнанной лошади. Он пытался закурить, но не мог достать из пачки папиросу, дрожали руки. Казанки на пальцах были сбиты, ранках, закрашенные йодом, бордово темнели.

– Сашька, пошто так получилось, а? Пошто горяча вода в кране получилась, а?

Саша был спокоен. Он пережил минуты страха и упрёка, в том числе и переживаний. Ему хватило тех нескольких минут прогулки во дворе, пока Шалыч разбирался с Мизинцевым, а Глотко с кушеткой, чтобы сосредоточиться. Чтобы найти узкий коридорчик в этом безрадостном событии, по которому была бы хоть малейшая возможность выкарабкаться. И, кажется, такую трещинку нашёл. Пусть она несколько подванивает подлостью, но какие тут могут быть сантименты? Выкарабкиваться надо! И потом, вспомнились кое-каких друзей, поди, не оставят, отмажут...

Саша взял у начальника пачку папирос и вытряхнул из неё себе и ему по белому стволику. Пачку вернул. Достал из своего кармана спички, прикурил сам и подал огонёк Шалычу. Действия его были расчётливыми, глаза находились в напряжении. Он старался скрывать своё состояние, и это ему удавалось.

– Сашька, кто включил горячу воду, я спрашиваю, а?

Саша пожал плечами и небрежно ответил:

– Не помню... Кажется, Васька.

– У-у, ублюдка русская! Мало я ему морду начистил. Сабака... Ох-хо-о, ох-хо-о, веть тюрьма. Тюрма на мою голову, – закачался Шалыч из стороны в сторону, обхватив голову.

– Ты вот што, Шалыч, послушай меня, пока мы одни... Давай так договоримся. Мы холодную воду включали, понял? – назидательно стал объяснять Саша. – Холодную. Но, чтоб не простудить клиента, добавили горячей. Штоб вода была только чуть прохладной. Ну, как положено по инструкции. Понял? Штоб не простудить клиента, сечёшь?.. А в это время холодную воду отключил ЖЭК, или какой-нибудь слесарь на магистральном трубопроводе. Отключил, а нас не предупредил. Значит, кто виноват, анан сагаям?

Лицо Бахашкина начало светлеть.

– Врубайся, Шалыч, и поживей, а то, как следаки и прокуратура понаедут, некогда будет репу чесать. А сейчас иди и заполни журнал доставки и приёма клиента.

– Дык, это, фамилию не знам?..

– Ты што, совсем охренел? Зачем она тебе сдалась? Так и запиши: фамилию не сказал. Ругался, дебоширил, стращал. Ну, словом, што, в первый раз што ли?

Бахашкин бросил недокуренную папиросу мимо урны и поспешил в здание.

Саша огляделся по сторонам и, не спеша, пошёл за ним.

На кушетке, что стала одним из препятствий во время суматохи в медвытрезвителе, врач осматривала пострадавшего Глотко. Он лежал на ней с задранными до колен брюками, и она осторожно ощупывала его ноги, а он кривил толстые губы от боли при её прикосновениях.

– Похоже, переломов у тебя нет, но ушибы сильные... Поедешь сейчас с нами, надо рентген провести. Может, раскол ступни?..

В дежурке на скамейке сидел, привалясь к стене, младший сержант и перед ним, наклонившись, стояла медсестра Мая. Мизинцев постанывал. У него был перелом нижней челюсти, и Мая прибинтовывала её бинтом к голове.

– Потерпи, сержантик, потерпи, – приговаривала она участливо. – Приедем в сангородок, легче будет.

При появлении Шалыча, Мизинцев застонал и ещё плотнее прижался к углу. На его изуродованном лице появилась гримаса ужаса. Мая выронила из рук бинт.

– Что с тобой, сержантик? Сиди спокойно.

Бахашкин, не обращая внимания на Василия, прошёл к столу, раскрыл журнал и стал торопливо заполнять его.

Володя иронично и безглаголиво поглядывал на всех участников вакханалии.

4

Феоктистов вышел на крыльцо. Почесал затылок от досады.

Яркое солнце заливало весь микрорайон. Даже бетонный заплот через дорогу, окружающий стадион «Ермак», казалось, излучал свет и слепил. Анатолий прищурился, привыкая к солнцу. Пожалел, что забыл тёмные очки. Когда рано утром уходил из дома, брезжил рассвет, а сознание ещё спало, не вспомнил об очках.

На минуту задумался, соображая, на чём ехать. Если на трамвае, то это – по кольцу, по всему городу, через все микрорайоны и кварталы... Как раз к вечеру доберёшься. На автобусе?.. Идти далековато. Но, пожалуй, быстрее будет. А какой ещё выбор?.. Чёрт, когда машину дадут? Ведь у всех у них есть водительские права, а транспорта нет! И что думают отцы-командиры?

Спустился с крыльца и пошёл по улице «Красной» в сторону остановки «Блинная».

В одном из дворов, который пересекал Феоктистов, до него донеслись звуки гитары и знакомый хриплый голос. Оглянулся и увидел у одного из подъездов дома в кустах черёмушника группу ребят: кто-то из них сидел на корточках, кто-то на ящике, а кто-то стоял, приваливаясь к стволам черёмухи. Кое-кто покуривал. Магнитофон «Астра», похоже, новый, стоял на асфальтовом отместке фундамента. К нему тянулись провода из раскрытого окна дома.

«Астра» крутила Высоцкого: «Тридцать три же мужика, не желают знать сына, говорят, пусть растёт сын полка...» Анатолий усмехнулся: и тому, что пел артист, и тому, что запрещают его, правда, негласно, а он всё равно хрипит. Слушают. У него у самого есть несколько его записей, и они ему нравятся. И Анатолий сейчас с удовольствием послушал бы его вместе с пацанами, но... их бы заботы ему. Жене Прокудину Высоцкий тоже чем-то не угодил. Порицает, когда услышит песни Высоцкого у них в кабинете, губами чмокает...

Феоктистов вышел на улицу Энгельса. Широкая улица пролежала между четырёхэтажными побеленными в оранжевую охру домами. На противоположной стороне Народный суд, в котором рассматриваются дела электролизного комбината, то есть закрытые, касающиеся полувоенного предприятия.

Далее перекрёсток, за которым, в нижних этажах домов, – кофе «Блинная», магазины. Ещё дальше – библиотека. Напротив, кафе и этих магазинов раскинулся соснячок, лесной массив, видимо, оставленный для очистки городского воздуха и для удовольствия отдыхающих. В нём и сейчас видны гуляющие, в основном, люди пожилого возраста с внуками и мамочки с детскими колясками. Только там и можно наслаждаться таким прекрасным днём.

Даже не верится, что в такое чудесное время могут происходить беды, несчастья, убийства, к примеру, такое, куда предстоит добираться на «перекладных». Быть заживо сваренным! Скорее всего, по недосмотру работников медвытрезвителя, или, как его ещё прозывают остряки – «вытряхвителя». А может, сильно пьяным был?.. Немало таких случаев, когда люди в алкогольном опьянении сжигают себя в домах, тонут в реках, разбиваются на транспортных средствах...

В ожидании автобуса Анатолий закурил и стал ходить взад-вперёд по асфальтированному тротуару. Дважды пытался голосовать частникам, но не тут-то было. И вспомнил Заичкина: не поднесёт ли его чистая или нечистая и на этот раз... Хотя бы кто-нибудь в форме появился! – легче было бы с его помощью тормознуть. Форма для водителей, что красный свет светофора.

Наконец из-за поворота вырулил маршрутный автобус ЛИАЗ «Майск – 8-е Марта – Майск». Анатолий облегчённо вздохнул.

Пассажиры выходили и заходили в передние двери. Феоктистов заскочил в задние и прошёл немного в салон. Встал на подъёме, ухватившись рукой за верхний поручень.

«Чёрт, при такой оперативности, как раз поспеешь к морковкиной заговены!» – выругался он. И сравнил их, следователей угро, со следователями прокуратуры. Те, поди, уж вернулись из медвытряхвателя, белая кость. У них машины, и не какие-то там развалюхи – «Волги», и притом чёрные. И притом, почти у каждого. И что за дискриминация служб? Ведь одно дело делаем...

Автобус шёл, слегка покачиваясь, посвистывая амортизаторами. Для горожанина звуки привычные, как шум и скрип леса для егеря, на что не обращаешь внимания, не отвлекаешься от главного, от мыслей, от целей, породившие их.

Однако вскоре слух Анатолия уловил нечто, что вывело его из задумчивости. Слух насторожили не то стоны, не то смех.

Анатолий обернулся. На двух последних сидениях, повернутых к задней площадке, сидела группа ребят-подростков. Они хихикали, перешёптывались, показывая пальцами на девушку, или девочку, стоявшую у задней стенки автобуса, отвернувшуюся к окну. Он тоже перевёл взгляд на девочку. Ничего такого, чтобы вызывало смех на ней не заметил. Стоит спиной к салону, прилипла к поручню. Что смешного?..

И все же среди пацанов чувствовалось какое-то не совсем обычное возбуждение. И эти ехидненькие ухмылки, сюсюканье, шуточки...

Анатолий ещё раз перевёл взгляд на девочку. Она была в белой футболочке с короткими рукавами, в короткой «колокольчиком» юбочке на лямочках. Щупленькая, угловая, плечики её подрагивали, похоже, плакала. Росточком не из карликовых, и ножки ладненькие. Стоп! – ах, вот оно что.

Из-под юбочки, по рельефным контурам ног, стекали струйки крови. Девочка стояла, скрестив ножки, видимо, стараясь такими усилиями сдержать течь. Анатолий в первую секунду тоже удивился, даже хмыкнул, но когда вновь услышал подхихикивание пацанов: «Во-во, опять потекло! Ха!..» – почувствовал неловкость. Легонько отвесив подзатыльник отпустившему шутку, прицыкнул:

– А ну, заткнитесь!

На ходу, расстёгиваясь и снимая рубашку, сошёл на площадку. Сдёрнул с себя тельник и, наклоняясь к девочке, сказал:

– На-ка, дорогуша, майку. Оботрись. Я тебя загорожу.

Испуганные, залитые слезами глаза смотрели на него в недоумении.

– Давай, давай. Приводи себя в порядок, – Анатолий повесил на поручень майку.

Повернувшись к салону, загородил рубахой и собой девочку.

Перед следующей остановкой девочка осторожно тронула его за руку. Он наклонился к ней.

– Ну как, все?

Она смущённо кивнула и спросила, чуть ли не шёпотом:

– Что теперь делать с вашей майкой?

– Спрячь в трусики. Может ещё понадобится?

Девочка обрадовано затрясла головой.

– Ага, сейчас. Прикройте...

Анатолий опять повернулся к салону.

– Вот теперь всё! – повеселевшим голосом шепнула девочка сзади.

Она стеснялась смотреть в салон автобуса, и фигура благородного незнакомца была для неё, что скала.

– Спасибо вам! – сказала она, боясь поднять на него глаза.

– Пожалуйста, если есть за что? – улыбнулся парень, повернувшись к ней.

– Ой! Что вы! Ещё как есть. Я такого натерпелась...

Он надевал рубашку, запихивая её подол под ремень брюк.

– Как же мне передать вам майку? – прошептала она.

Анатолий усмехнулся.

– Оставь себе на память. – Застегнув на три нижних пуговички рубашку, навалился на поручень рядом с ней. – Тебя как звать?

– Аня. Аня Шпарёва. Запомните мой адрес, – и назвала ему уже знакомые координаты, те, которые он только что, минут пятнадцать назад, записывал в записную книжку. Хотел тут же задать ей несколько вопросов, но вовремя сдержался. Надо вначале поговорить с заявительницей.

Но, видимо, его выражение лица её насторожило, и вызвало у Ани свой вопрос.

– Вам что, знаком наш адрес?

Он доли секунды помедлил и ответил:

– Нет. Просто совпадение. У меня родственники живут тоже под счастливыми номерами, только квартал другой.

Аня осмелела и теперь смотрела на него с обожанием. Что его несколько смущало. Даже скорее не это, а глаза – лучистые, открытые и взгляд мягкий, тёплый.

– Одиннадцатый микрорайон. Следующий – двенадцатый, – объявил водитель автобуса.

На остановке ребята, поглядывая на интересную парочку, высыпали из автобуса и там, на площадке, похоже, продолжили обсуждение случившегося. Для них, видимо, подобное явление было чем-то диковинным, вызывающие похотливые, никчёмные мыслишки. Собственно, и удивляться нечему, виной всему – наша непросвещённость в умах и отсюда, вполне естественные вещи не укладывались в них и сознательности не пробуждали.

Автобус удалялся и, девочка, глядя на мальчишек, с обидой сказала:

– Дураки, – глубоко с перерывом вздохнула, успокаиваясь после пережитого.

– Да, – согласился Феоктистов, отвлекаясь от своих размышлений.

Он улыбнулся ей и почувствовал, как по сердцу прокатилась волна нежности, как бывало к младшей сестре. Захотелось сказать что-то тёплое, ласковое, успокаивающее, даже приобнять. Но спросил буднично:

– Ты откуда едешь?

– С водохранилища. Там у меня и началось... Думала, успею.

– Это у тебя впервые?

– Ага. Пришли как-то вдруг неожиданно. Хотя и ждала давно. К врачам мама водила.

– Зачем?

– Задержка большая. И низ живота сильно болел. Операцию хотели делать. Девочки моего возраста давно уже имеют... – доверительно вполголоса говорила Аня. Этот парень почему-то вызывал на откровение.

Её доверчивость трогала, от этого подмывала тёплая волна нежности.

– Сколько же тебе лет, Анечка?

– Пятнадцать... будет скоро, – ответила она и спохватилась: – Ой! Мне же сейчас выходить.

Автобус начал притормаживать.

– Двенадцатый микрорайон, – объявил водитель.

– Тебе же до «Парка Строителей»? – сказал Анатолий.

– Я дальше на трамвае, мне так быстрее и ближе.

Он пожал плечами и отстранился, уступая ей дорогу.

Автобус остановился. Двери с шипением открылись, и Аня с заметной осторожностью спустилась на площадку остановки.

Автобус тронулся. Девочка стояла у обочины и махала ему рукой. Юбочка впереди слегка выпирала, видимо оттого, что Аня запихала его майку в трусики комком. Это Анатолия насмешило и ещё больше вызвало к ней нежные чувства.

5

Феоктистов, как и предполагал, опоздал. Прокуратура уже уехала. В дежурке находились четверо: старший лейтенант Бахашкин, старший сержант Саша Галимханов и двое из отделения милиции: капитан Егор Кузмин – дежурный второго отделения и сержант водитель ПМГ, что стоит во дворе. Они мирно беседовали и даже посмеивались.

– О! Кого суда занесло! Граф! – с радостью воскликнул Саша. И подался на встречу.

– Здравствуйте! – поздоровался Феоктистов, подходя к стойке. Саша перед ним растворил дверцу.

– Прошу!

Анатолий вошёл и стал со всеми здороваться за руки. Затем устало сел на лавку, спиной прижавшись к прохладной стене.

– Фу-у, пристал, пока до вас добрался.

– Вам так и не дают машину? – спросил капитан.

– А зачем? Ноги молодые, длинные, топчи да топчи их, развивай мускулатуру, – ответил Феоктистов с усмешкой.

– Не боишься истоптаться?

– Боюсь

– Так позвонил бы, приехал б, – с участием сказал Саша. – Мы друзьям всегда рады услужить, и машинку подать, и кабинет лучший предоставить, коли надо.

– Да как-то не сообразил, – с действительным сожалением ответил Феоктистов.

– Для графа, подали бы кадиллак в лучшем виде.

– Хм, вам до меня ли было?

– А какие проблемы?

– Так у вас, говорят, тут кто-то не то сварился, не то изжарился?

– Сварился.

– Сильно?

– Да нет, насмерть, – пошутил Саша.

– Как сапленка, – поддакнул Бахашкин, стараясь попасть в тон начатого Сашей разговора.

– Как это произошло? – Анатолий скривил губы в усмешке.

– Так ты суда за этим и припёрся? Хм, стоило. Мы уже давали показания, – Саша кивнул на капитана, – вот, при них. К Малиной, к ней теперь иди.

Феоктистов недовольно повёл плечами.

– Слушай, Галим, давай так договоримся: ты меня не учи, что мне делать и как. У следователя прокуратуры свои задачи, у нас, то есть у уголовного розыска, свои. Усёк?

Похоже, посещение прокуратуры на этих ребят не подействовало угнетающе. Ни Шалыч, ни Галим не прибывали в трауре. Но наглость Галимханова задела Анатолия. И он назидательно добавил:

– И если понадобится, то ты, Галим, мне будешь показания давать не раз и не два, и не там, где тебе захочется, а где я сочту нужным.

– Ну, разошёлся. С ним и пошутить нельзя.

– Можно, почему нельзя? Ха-ха, – добавил Анатолий с сарказмом.

– Я и пошутил. Мы ж, граф, свои люди, – заговорил Саша уже с заметной елейностью в голосе, делая на прозвище Феоктистова смысловое ударение, как бы для большего уважения.

– Ну, раз признаешь меня за своего, так и рассказывай всё по порядку, и поподробнее. С примерами на месте происшествия.

Бахашкин почувствовал себя неудобно, закрипел на стуле. Что-то у Саши диалога с графом не получается. Может, надо было как-то по-другому? Это ж не Малина. Шалыч один сидел за столом на стуле, все остальные – на лавках. Саша стоял, навалился задом на угол стола. Стол поскрипывал под движениями его тела.

– Ну, кто будет рассказывать? – спросил Феоктистов.

– Ну, давай я, – сказал Галимханов, бросив короткий взгляд на своего начальника. Тот одобрительно прикрыл глазки. – Значит так. Утром звонят нам Андрей с Серёгой из «Победы». Пьяного, мол, заберите в сквере «Пионеров» отдыхает. Лежит, мол, там, в обнимку с «Солнцедаром».

– Во сколько это было?

– В десятом часу, или около десяти.

– А кто такие Андрей и Серёга?

– Мои это, из отделения, – ответил капитан. – Патрулировали по городу, и зашли в сквер.

– Так, дальше.

– Я съездил. Он ещё в сквере начал бузить. А сам, как паралитик, на ногах не стоит. Еле запихали в будку. Привёз, а он и здесь начал собачиться. Еле раздели и в душ сунули. Вдвоём с Васькой.

– Били?

– Хм, ну дал поджопник.

– Вот этим, сорок пятым?

– Сорок третьим. Так, слегка, лодыжкой.

– Ладно-ладно, брось из себя ангела изображать. Дальше?

– А чё дальше? Закинули в кабинку и включили душ.

– Пойдём, покажи.

Феоктистов вышел из дежурки, за ним Галимханов.

Три душевые кабинки. Все закрыты. Возле стены напротив дверей душевых стоит кушетка, обитая чёрным дерматином. Саша, показывая на неё, хохотнул.

– Под эту гильятину Глотка попал.

– Как?

– Посреди коридора стояла. Я, когда выскочил из кабинки, в пару на неё наскочил. Опрокинул. А тут Глотку поднесло – ему на лапы. Ха-ха! Визжал, как сучка под трамваем.

Галимханов открыл третью кабинку, и Феоктистов вошёл в неё. Узкое и высокое помещение, как гигантский пустотелый кирпич, перевёрнутый и поставленный на попа. Душевой гусак торчал из стены на высоте метров трёх. С большого раструба с многочисленными отверстиями всё ещё подкапывала вода. На полу лежала узкая деревянная решётка, поверхность её была ещё бурой, щетинистой от горячей воды.

– Кто включал?

– Не помню, Толя... – замялся Саша. – Суматоха была. Кажется, Васька.

– А почему горячую?

– Да кто ж её включал? Её только чуть добавили, чтоб мужика не застудить. – (Феоктистов иронично усмехнулся: гляди-ка какая забота!) – Да видно в ЖЭКе холодную воду вырубili, вот и пошла горячая. Мы понять сначала не могли: откуда пар, почему?

– А клиент что, молчал, не кричал?

– Да какой – кричал, – отмахнулся Саша. – В стельку был. Последняя стадия опьянения.

– М-да... – с раздумчивостью протянул Анатолий, оглядывая кабинку.

Вернулись в дежурку.

– Так, братва. Ты, Шалыч, и ты, Галим, напишите мне объяснительные, – сказал Феоктистов.

– Дак, зашем? Мы ж только што писали? – спросил Бахашкин в недоумении.

– Зашем? – передразнил Феоктистов добродушно. – Ты что, впервые в органах? Или мне тебе объяснять?.. Пишите. И поподробнее. А где Васька и ваш медработник?

– В сангородок увезла «скорая», – сказал Саша, усмехнувшись. – Тоже пострадали.

– Что у Мизинца?

– Да тоже об кушетку челюсть сломал. Ха-ха! Всю морду о кафельный пол разбил.

Присутствующие тоже усмехнулись.

– Ладно, пишите вы. С них я потом возьму. – Бахашкин с Галимхановым переглянулись. Феоктистов достал сигареты, сказал: – Пишите, я пойду, покурю. Пойдём парни.

Капитан и водитель поднялись, и они вместе вышли на крылечко, широкое в одну ступеньку.

Медвытрезвитель вдавался внутрь микрорайона и находился на некотором расстоянии от дороги и от жилых домов. Он был слева, позади высокой железобетонной ограды, огораживающей огромную территорию магазина «Хозтовары» с его складскими помещениями, крыши которых виднелись из-за ограды.

От ворот до входа в учреждение раскатана чёрным блином асфальтированная площадка. С боку здания укатанная поверхность из щебня, на которой, уткнувшись катком в бетонную ограду, как бык лбом, стоял асфальтовый каток, рядом с ним припаркован «ворон» ГАЗ-56 и дежурный ПМГ. С их металлических поверхностей курилась прозрачная дымка. Было душно, а из-за асфальтного чада курить расхотелось.

Помяв сигаретку в пальцах, Анатолий сунул её обратно в пачку. Стоял и слушал своих собеседников. Собственно, разговор был не о чём, он не касался события, произошедшего в данном заведении. Милиционеры, видимо, не хотели делиться мнением о нём при открытых дверях.

Минут через пять-семь появились Бахашкин и Галимханов. Феоктистов принял листы у одного и другого и, посмотрев числа и подписи на них, свернул их вчетверо, вложил в карман рубашки.

– Ну ладно, убивцы, – (в шутку). – Побегу дальше. В сангородок схожу, на вашего рака гляну. Повидаюсь с вашими коллегами, или калекками.

Шалыч неуклюже затоптался на месте, Галимханов же сказал:

– А че на рака смотреть? Тебе пришлют заключение. А эти полудурки, поди, уже спят после наркоза?

– Галим, я, по-моему, тебе уже говорил – не учи. Я ведь тебе не подсказывал, как клиентов обслуживать.

Галим с видимым безразличием пожал плечами: как знаешь...

– Садись, Толя, подкинем, – предложил капитан. А Бахашкину сказал: – Если нужна будет помощь, звони.

Шалыч закивал головой. Лицо его лоснилось от пота.

– Ланна...

Феоктистов обвёл ироничным взглядом «убивцев», серое одноэтажное здание и, не прощаясь, пошёл вслед за капитаном к ПМГ. Его провожали настороженные глаза убийц.

В машине некоторое время ехали молча. Капитан сидел на первом сидении, курил.

– Ты веришь им, граф? – спросил он, не оборачиваясь.

Феоктистов пожал плечами.

– Время покажет, Гоша...

– Мне, честно говоря, не очень... Шалыч, это не просто прозвище. Это производное от слова ошалелый. В минуты ярости может чёрте что натворить. Да и Галимка не лучше.

– Собрались у кормушки, – сказал Ваня.

– Как это? – спросил Анатолий, под видом простачка.

Ваня усмехнулся.

– А что тут не понятного? Обирают пьяных. А на утро с бодуна докажи он, бедолага, что у него были деньги в карманах или ещё что-нибудь ценное? Мало ли где тебя валяло и катало, меньше пить надо... Васька у нас работал, кое о чём из ихней секретной службы проговаривался. Да и так слухов больше, чем достаточно. А то, что Шалыч, боксёр со стажем – это давно известно. Вон, и сейчас казанки на пальцах все в йоде. Метелил, видать, этого бедолагу и вдоль, и поперёк.

Вынырнув из проулка посёлка Северный и перескочив трамвайную линию, подъехали к поликлинике сангородка.

– Ну всё, господин-товарищ граф, приехали, – улыбнулся Ваня, обернувшись.

– Спасибо, парни, – сказал Анатолий. Но вышел не сразу. Обратился к капитану: – Гоша, скажи-ка своим хлопцам, пусть они составят мне пояснительные записки по поводу ими задержанного пьяницы. Может, пригодятся.

– Хорошо.

ПМГ заднем ходом переехала трамвайные линии, и, развернувшись, покатила параллельно им в город.

6

Сангородок – большой больничный комплекс. Он состоял из несколько корпусов двух — и трёхэтажных зданий и одного пятиэтажного, нового, два года назад введённого в действие, стоящий отдельно от старой части и отгороженный серой бетонной оградой. Старая часть комплекса утопала в зелени среди разросшихся деревьев и кустов, тогда как перед пятиэтажным только-только начали тянуться вверх молодые посадки клёнов и тополей.

Через узкие воротца в больших металлических воротах, из прутьев и приваренной полосы листового железа понизу, Феоктистов ступил на ковёр зелёного поля, усыпанного жёлтыми головками одуванчика и белыми – ромашки. Направился по тропинке к пятиэтажному зданию, в торце которого с левой стороны на первом этаже находилась «скорая помощь», «приёмный покой» и кабинет «до врачебного обследования».

На пологом парапете под тенью его крыши стояла машина РАФ, возле которого колдовал шофёр.

Феоктистов поднялся по асфальтовому въезду, приостановился, оценивающе присматриваясь к молодому водителю.

Из приёмной из окна Анатолия заметила рыжеволосая девушка и стала спешно приводить себя в порядок: поправлять волосы, белый колпак на голове, подновлять помаду на губах, заглядывая в зеркальце... Словом, проделывать всё то, подо что можно было бы запрятать свои тридцать лет с хвостиком, как иронично подшучивает она сама над собой.

– Привет, Маячка! – поздоровался Анатолий, входя в приёмный покой. Он умышленно называл девушку так, через «я», делая на нём ударение. Поддразнивал.

– Здравствуй, Толик! – Мая расцвела в улыбке. – Давненько тебя не видно было. Совсем забыл дорогу.

– Просто не попадаю в твоё дежурство.

Он сел к столу на свободный стул напротив неё.

– Ну да! Под дежурство он моё не подпадает. Ты посмотри-ка! А домой ко мне что, тоже дорогу забыл? Или до того бандиты замотали?

– Маячка! – он, защищаясь, поднял руки. – Мы ж с тобой уже договорились. Зачем снова к этому возвращаться? И ты, как я слышал, замуж вознамерилась? – кивнул за окно, на РАФ, возле которого колдовал водитель.

– Если возьмут? – с натяжкой улыбнулась она. – На тебя надежды нет. Только обещания...

– Когда же я такое мог обещать? Ты меня, Маячка, с кем-то путаешь. Я в таких вопросах человек осторожный.

– Оно и видно, десятой дорогой обегает, как хулиган милиционера, – обида слезами начала выступать на глаза.

– Всё, всё, всё, Майка. Ты хороший человек, это в тебе я ценю, но давай сменим тему. Я пришёл по делу, давай о нём и поговорим. Или мне обратиться к врачу? Кстати, где она?

Мая, поджав губки, кивнула на закрытую дверь кабинета «до врачебного осмотра», где находился кабинет и дежурного врача. Анатолий шутливо щёлкнул Мае по кончику носа.

– Ну, чего нос повесила? За молодого, красивого выходишь, вот и атакуй. Парень вроде бы ничего.

Она грустно улыбнулась.

– Вот так уже лучше, – подмигнул он. – На свадьбу не забудь пригласить. – И уже серьёзно спросил: – В вытряхвитель кто выезжал?

– Я и Полина Васильевна.

– Ну, вот и расскажи.

Мая вздохнула, освобождаясь от нахлынувших чувств. Стала рассказывать:

– Приехали, а там, как после бомбёжки. Двое в кабине: один мёртвый, другой в крови, стонет, плачет. Третий по залу катается на горбу, ноги едва ли не за пазуху засунул от боли. Два мильтона места себе не находят, мечутся по медвытрезвителю, как солитёры в обмороке.

– Как-как? Ха-ха! – рассмеялся Анатолий. – Ну и сравненьице. Чисто специфическое. А теперь припомни, что они говорили, эти солитёры?

– Да много чего... Разве все припомнишь?

– Припомни, хотя бы относительно покойника.

– Вроде как ругали сантехников или ЖЭК, дескать, отключили холодную воду, сварили мужика, угробили.

– Вас во сколько вызвали? Давай, посмотрим журнал вызовов.

– Словам не веришь? – она раскрыла журнал.

– Смотря каким.

– Моим.

– Ну что ты, Маячка...

– Вот. В 10.20 нас вызвали. В 11.30 вернулись. Доставили покойника и больных: Мизинцева – с побоями и переломами нижней челюсти, и Глотко – с ушибами обеих ног.

Феоктистов посмотрел на часы: два часа прошло...

– Почему с побоями? Он, как говорят, об пол убился?..

– Не знаю, что у них там происходило, но, по-моему – побои.

– Так, ладно, разберёмся. Где сейчас труп?

– В анатомке.

– Как думаешь, его уже обследовали?

– Наверно.

– А кто там? Игорь Васильевич?

– Да.

– А те, двое, где?

– В травматологии, у него же.

– Ну что же, Маячка, дай я тебя в щёчку поцелую, в знак моего искреннего уважения к тебе. – Поднялся со стула и чмокнул Маю. Она не сразу убрала подставленную щеку, но, не дождавшись повтора, капризно усмехнулась.

– Какой ты щедрый...

– Ну, Маячка, это уже будет лишнее, перебор. Лучше дай халатик, к Игорю Васильевичу схожу.

Мая со вздохом поднялась, прошла к шкафу и подала из него халат. Он, накидывая его на плечи, подмигнул девушке и пошёл к двухстворчатым дверям, ведущим внутрь корпуса, к подземному переходу.

Подземный коридор, сверкающий чистотой и кафелем, блистая в ионовом свете, словно облитый маслом, принял посетителя прохладой. Шаги гулко раздавались по коридору от бетонного крашенного коричневой краской пола.

7

В кабинете патологоанатома у раковины стоял сухощавый, стройный человек лет пятидесяти. Он был в белом халате, в белой шапочке на седеющей голове. Мыл руки. Встряхивая с пальцев воду, обернулся к вошедшему.

– А, Анатолий Максимович! Проходите, – показал рукой в направлении стола у стены, возле которого были приставлены два стула с двух противоположных сторон.

Феоктистов кивнул на приглашение и прошёл.

Доктор, тщательно вытерев руки о полотенце, висевшее у раковины, подошёл к Анатолию.

– Ну, здравствуйте, Анатолий Максимович! – протянул руку.

– Здравствует, Игорь Васильевич! – обменялись рукопожатиями.

– Прошу, – ещё раз показал на стул, стоящий ближе к стеклянному шкафу, на полках которого лежали и стояли всевозможные инструменты, склянки, фарфоровые чашечки, ножницы, вата, какие-то свёртки, завернутые в непроницаемую плёнку. – Ну-с, что на этот раз вас интересует? Хотя догадываюсь.

– Да, Игорь Васильевич, обваренный.

– Так-с, так-с. Ну что же, кое-что уже можно сказать вполне определённо... Так вот, человек умер не от ожогов и не от перегрева организма.

– То есть? Отчего же? – Анатолий удивлённо вскинул на доктора глаза.

– От инфаркта миокарда. У него была ишемия.

– Вот как! А вы не могли ошибиться?

– Ну-у, Анатолий Максимович... – с плохо скрываемой обидой произнёс Бердюгин. – Чтобы у вас не было никаких сомнений на этот счёт, мы вам представим официальное заключение. И как только вы установите личность потерпевшего, вы установите и то, что он состоял на учёте у терапевта именно по этому виду заболевания.

– Сколько ему было лет?

– Пятьдесят три-четыре.

– А может, он от сильного алкогольного опьянения скончался? Он ведь из медвытрезвителя?

– Хм. Анатолий Максимович, ещё не зная лабораторных анализов, могу с уверенностью сказать – покойный не был пьян.

Феоктистов ещё более удивился и дёрнул уголком губ, невольно подражая своему начальнику, причмокнул; дурной пример заразителен.

– Ой-е-ёй!.. Вот это уха из петуха...

– Да-с, молодой человек. Но подождём анализы.

Бердюгин взял ручку и стал что-то записывать в журнале. Феоктистов сидел какое-то время неподвижно, усваивая информацию. Потом потянулся к телефону.

– Разрешите, Игорь Николаевич?

Тот кивнул: пожалуйста...

Анатолий набрал номер. Послышались гудки: занято. Вновь набрал. И вновь занято. Он посидел какое-то время, слегка наклонившись над телефоном. Лицо его было задумчивым и сосредоточенным. Спросил:

– Из прокуратуры никто не приезжал?

– Зачем? Они ждут заключения. Это вам не сидится.

Следователь вновь набрал номер телефона. Послышался знакомый голос.

– Алле, Гоша. Это Феоктистов... Слушай, я просил тебя взять с патруля объяснительные... Так вот, попроси их написать полный отчёт по этому задержанию, притом самым

подробнейшим образом: часы, минута, а также о чём говорили с задержанным, и что он им говорил. Так. И мне самому с ними хотелось бы поговорить... Я?... Да где-нибудь через полчаса, час. Они, когда меняются?... В двадцать. Они рядом? Так дай им трубку... Кто?... А, Васьков. Слушай, Сергей, ответь мне пока на один вопрос: во сколько вы подняли отдыхающего в сквере?... В 9.10 обнаружили. В 9.27 отправили. Хм... – («А, эти олухи, что мне написали?!») – Ну и ещё один вопрос на засыпку. Он сильно был пьян? От него пахло?... Не знаешь, не нюхал... Бутылку «Солнцедара» залудил. Ну-ну... Ну что же, скоро узнаешь, и нюх у тебя и твоего напарника прорежется. Напишите мне объяснительные самым подробнейшим образом и ждите меня. Я заеду, – положил трубку. – Идиоты!

Феоктистов посидел, обдумывая дальнейшие свои действия.

Молчание прервал Бердюгин, до этого искося наблюдавший за ним.

– Анатолий Максимович, вы верите в то, что в человеке есть душа? Я имею в виду не абстрактное и не религиозное её понимание и толкование, а как субстанцию? – он с насмешливым прищуром посмотрел на собеседника.

– Да как-то не задумывался. А что?

– Я в молодые годы тоже не задумывался, хотя в институте и начал почитать кое-какую литературу по этому вопросу: Платона, Шеллинга, Шредингера... Но больше наших, отечественных учёных-философов: Вернадского, Бехтерева, Мечникова, Циолковского. У многих учёных-теоретиков есть утверждение, что человек состоит из двух субстанций: биологической и духовной. А недавно промелькнуло сообщение, что учёные Гарвардского университета смогли установить – путём взвешивания умирающего человека и умершего, – что его вес уменьшается до шести грамм. По их утверждению, душа человека весит именно столько.

– И что, это даёт основание верить в её существование?

– Ну, если это не связано с погоней за сенсацией, то возможно. Я же, – он доверительно и мягко улыбнулся, – исхожу только из своих наблюдений.

– То есть... Вы тоже покойников взвешиваете?

– Нет. У меня другое... – Игорь Васильевич посерьёзnel.

– Что же? Или вы хотите сказать, что там за стенкой, – Анатолий показал большим пальцем левого кулака на стену, – у этого трупа душа расхаживает по моргу?..

– Вы не допускаете подобного?

– Хм... – Феоктистов недоверчиво, со скрытой подозрительностью на вменяемость, посмотрел на собеседника. Он даже незаметно поёжился, почувствовав себя неуютно в морге.

Бердюгин засмеялся, поняв его состояние.

– Успокойтесь, Анатолий Максимович. Я нормальный человек и в здравом уме. Я ведь хирург-травматолог и патологоанатом по совместительству.

– Я знаю. Отличный хирург, на своем организме убедился, и большой сторонник доктора Илизарова.

– Вот видите, – опять засмеялся Игорь Васильевич. – Да и вас и вашего коллегу Михайлёва я после ранения вылечил, и, по-моему, неплохо – живёте, работаете и радуетесь жизни.

– Всё-всё, убедили, – засмеялся и Анатолий.

– Как видите, не так уж я безнадёжен. А если учесть, что я у Илизарова кое-чему и научился. Это вы можете наблюдать в отделении травматологии...

– Вертолётчики не в гипсе, а в металлической арматуре?

– Да. ...то шансы мои повышаются? – Анатолий кивнул, улыбаясь. – Однако вашему сотруднику я на спицы челюсть сажать не стал. Предоставил другому хирургу из отделения поработать – сшить. Придётся Мизинцеву через соломинку питаться, бульончиком, чайком, молочком.

– Не повезло парню. Они там, в пару сами поперекалечились.

– Хм. Не знаю, не знаю, что у них там было... Однако, как надо биться головой о цементный или кафельный пол, чтобы самому себе сделать из лица отбивную котлету?

– У него что, кроме челюсти ещё есть какие-то повреждения?

– Да на нём лица нет! На теле кровоподтёки, гематомы. Такое может быть только после жесточайших побоев.

– Игорь Васильевич, вы мне сегодня одно интереснее другого преподносите.

– А вы сходите к нему. Посмотрите на его лицо и попросите раздеться.

– Хорошо, непременно. Только, мне кажется, что вы ещё хотели мне что-то рассказать?

– Ну, если вас интересуют вопросы духовной субстанции, то можем продолжить.

– Пока есть время, пожалуйста.

– А вы не усмехаетесь так недоверчиво. Если вы не побоитесь, то я вам могу представить случай в этом убедиться. – Бердюгин выжидающе с насмешкой посмотрел на Анатолия. – Ну, так как? Хотите увидеть то, что отвергают материалисты? Или побоитесь?

– Да нет, почему же... Я с удовольствием.

– Не бледнейте, это не страшно. Даже, наоборот, забавно.

– Я готов, Игорь Васильевич.

– В таком случае, Анатолий Максимович, я хочу взять с вас слово.

– Слово? Какое слово?..

– А такое... Слово чести. Слово офицера. Слово на то, что вы сейчас увидите и узнаете – будите хранить в строжайшей тайне! И до тех пор, пока я вам не разрешу её открыть. – Бердюгин поднялся.

– Хорошо, Игорь Васильевич. В моём слове можете не сомневаться. Я его даю. – Феоктистов тоже встал и, едва не по-пионерски, вскинул руку, скорее в шутку, ещё недостаточно серьёзно воспринимая слова Бердюгина.

Доктор, видимо понимая его, заходил по кабинету, пускаясь в объяснения.

– Я, почему к этому так шепетильно отношусь, Анатолий Максимович? Эта моя научная разработка, ещё не во всем совершенная, требующая ряд модернизаций и испытаний. Я даже моих коллег к сему предмету не подключаю.

– А меня, почему решили посвятить?

– Вас?.. – Бердюгин приостановился и загадочно улыбнулся. – Есть «почему». Но об этом позже. Есть у меня одна мысль... – он прошёл к сейфу, к невысокому белому ящику, стоявшему в дальнем углу за стеклянным шкафом.

Бердюгин открыл его и достал один за другим два чёрных футляра: один – от бинокля, другой – продолговатый, похожий на студенческий туб, длиной сантиметров шестьдесят. Бинокль повесил на плечо, а цилиндр подал Феоктистову.

– Берите и пойдёте. Только осторожно, не выроните.

Закрыв сейф, и направились из кабинета.

Они вошли в траурный зал, где стояла справа тумба, обитая красным, уже потёртым бархатом, – место для гробов и оплакивания усопших. Вдоль стен – ряд стульев и спаренных кресел. Прямо и слева две широкие двухстворчатые двери: секционная и холодильник. За дверью секционной был маленький коридорчик, в котором стояла кушетка, застеленная простыней. Бердюгин положил на неё футляр бинокля и закрыл за собой двери коридора на ключ.

Вернулся. Принял от Анатолия туб, положил его на кушетку. И стал по очереди раскрывать футляры. Из футляра бинокля на простыни легла одна половинка от бинокля ночного видения. Затем из тубы Бердюгин извлёк чёрный, обклеенный дерматином, цилиндр, у которого с обеих сторон были стекла и с одного конца – защёлки, крепления для монтажа. К цилиндру подведены два проводка с небольшим разъёмом.

Доктор снял с окуляра бинокля заглушку и прикрепил к нему трубу при помощи четырёх защёлок. Из футляра бинокля, из его второго отсека, достал четыре цилиндрических батарейки, стянутых синей изолянтной, и положил их в карман своего халата. Собранный прибор подал Феоктистову.

Анатолий принял, с интересом и осторожностью стал осматривать его, покачивать на руках, как бы взвешивая: прибор был лёгок вопреки ожиданиям.

И молчание Бердюгина, даже какое-то торжественное, сосредоточенное, чёткость в движениях при сборке прибора, и не обычная обстановка, помещение, в котором должно произойти нечто загадочное, – всё это на Анатолия действовало возбуждающе. И в то же время заставляло подчиняться, не задавать лишних вопросов, ходить и двигаться с величайшей осторожностью, задерживая в себе дыхание.

И он действительно готов был не дышать, словно боялся вспугнуть тишину, в которой где-то существуют души умерших. Сказки, рассказанные Бердюгиным, однако отложившиеся в подсознании, и эта часть мозга, может быть, в его десятитысячной дольке, в нейроне, даже, может быть, в каком-нибудь дендрите или в эфемерном нервном окончании, диктовали ему свою волю, вопреки, казалось, здравому смыслу.

Они вошли в самую секционную. В помещении было темно. И эта темнота ещё более усилила напряжение, даже, пожалуй, мистический страх. Анатолию стало немного жутковато, по спине пробежали холодные мурашки.

Бердюгин же действовал по-хозяйски быстро, прошёл куда-то вглубь помещения и включил в углу над стеклянным столиком бра, висевшее на стене. Теперь секционная была тускло освещена. Небольшая глухая высокая комната без окон, стены от пола до потолка обложены белой кафельной плиткой. В центре стоял операционный стол, на котором лежал покойный. Над столом висел большой светильник из пяти-шести ламп.

– Анатолий Максимович, – негромко позвал Бердюгин.

Феоктистов подошёл. Доктор забрал у него прибор.

– Пока посидите, – показал на один из двух стульев, стоящих у столика.

Феоктистов сел. Другой стул Бердюгин взял, развернул и сел на него верхом. Достал из кармана маленький разъём с проводками от батареек, подсоединил его к разъёму прибора. Затем, поставив локти на спинку стула, приложил прибор к глазу, как подзорную трубу. Какое-то время наводил резкость, вращая окуляр бинокля. Щёлкнул тумблерком на приборе и замер.

Замер и Феоктистов, глядя то на Игоря Васильевича, то на труп. В сумеречном свете лицо доктора казалось восковым.

Наконец Бердюгин отклонился от окуляра и пальцем поманил Анатолия. Сам поднялся со стула. Анатолий прошёл и сел на освободившееся место. Доктор передал ему прибор и негромко сказал:

– Толя, не волнуйтесь, не дёргайтесь, держите прибор ровно. Наведите его на труп... Смотрите и ничего пока не говорите. Не будем мешать процессу...

Анатолий припал к окуляру. Замер...

Перед его взором лежало тело, а над ним висело оранжевое облако, светящееся и слегка покачивающееся, словно его раскачивали удары сердца – ритмично: тук-тук, тук-тук... Он даже как будто бы услышал эти удары, и оттого стало вновь жутковато, и по спине вновь пробежал холодок. Анатолий невольно поёжился.

В облаке происходило движение: нижний слой перетекал в верхний, верхний – в нижний. И тот слой, что оказывался в верхней части, словно фосфоресцируя, испарял из себя искрящиеся частицы и перекачивался вниз. Происходило что-то, напоминающее кипение, только тут процесс протекал медленнее и красиво, с феерическим эффектом.

Световая гамма над трупом была не везде одинакова. У ступней ног, со стороны которых Анатолий вёл наблюдение, она казалась насыщенной розовым цветом. И он, заметив это, с иронией подумал: «Душа через пятки выходит!..»

Примерно такой же цвет был и над головой. Он источался откуда-то из середины лба, как будто бы из третьего глаза, курился тонкой струйкой так же, как из ступней ног, из пяток.

Но самый насыщенный цвет находился над областью сердца, над грудью – он был тёмно-красным и к нему от всех «органов» стекались и растекались тона и полутона. И все они (эти потоки) перетекали из одного места в другое медленно и спокойно, отчего над телом образовывалось искристое и серебристое дымчатое облако. Тёмно-красное пятно напоминало форму сердца, оно и «билося» с таким же интервалом, «прокачивая» по всему «телу» серебристые потоки и в то же время, поглощая возвращающиеся тёмные потоки в себя.

Вся эта картина очаровывала Анатолия. Но во всей этой демонстрации не хватало чего-то объединяющего, объясняющего...

Феокистов оторвался от окуляра и обернулся к Бердюгину. Тот был привязан к нему проводами и стоял рядом, наблюдал за ним.

– Ну что, похоже, рассмотрелись? – спросил Бердюгин.

Анатолий сдержался от ответа и вновь припал к биноклю, теперь другим глазом. Смотрел ещё несколько минут, пытаясь понять смысл происходящего над трупом.

– Да, удивительно...

– А теперь посмотрите вон туда... – Игорь Васильевич кивнул вверх, на угол под потолок.

Анатолий направил прибор на потолок. И замер от ещё большего изумления. Сверху на покойника смотрело скорбное лицо обваренного. Голова круглая, вместо волос – оранжевые лохмы, и к этой голове, поднимались от покойника светящиеся блёстки. Они, как пузырьки через воду, пробивались к ней сквозь воздух. Казалось, воздух бурлил, гасил искрящиеся потоки. Анатолий не смог сдержать очарования. Теперь картина имела своё логическое завершение.

– Игорь Васильевич!.. Кошмар какой-то! – проговорил он, отстраняясь от прибора.

Бердюгин улыбнулся.

– Впечатляет?

– Да вы что! У меня у самого, наверное, волосы дыбом встали.

– Не пугайтесь. Пойдёмте. – Бердюгин принял прибор. – Выходите, я следом.

Анатолий, поглядывая на угол потолка, в замешательстве вышел в коридорчик.

Через минуту появился доктор. Он хотел что-то спросить, но Бердюгин приложил к губам палец: тс-с...

Они, молча, разобрали прибор и с футлярами вернулись в кабинет.

8

Феоктистов устало сел на стул. Бердюгин прошёл к сейфу, куда положил приборы.

– Фу-у, Игорь Васильевич, честно говоря, я ничего не понял. Но, однако же, удивительно! Поясните, пожалуйста, что это за облако над трупом? Что это за голова под потолком? Не это ли душа?

– Да, Анатолий Максимович, она самая.

– Но ведь... Но ведь... – Анатолий от удивления не находил слов.

– Толя... Извините, позвольте мне вас так называть?

– Да, пожалуйста, Игорь Васильевич.

– Так вот, Толя. Поверьте, пока на слово: это не что иное, как человеческая душа. Вы видели, как облако пульсирует? Заметили?... Это энергия. Она выходит из остывающего тела. Ведь мы думаем, что человек, умерев, остывает за считанные часы? Но это не так. Впрочем, наверное, как и всё живое. На это понадобятся не одни сутки. Недаром же людей хоронят только на третий день. Это то время, за которое душа покидает тело. Но в каждые сутки происходит определённый процесс. Завтра, если вы сможете приехать, то мы можем наблюдать уже несколько иное явление. То есть это облачко будет подниматься ещё выше, и оно будет волноваться ещё сильнее. А вот послезавтра... – Бердюгин понизил голос. – Я бы вам очень советовал посмотреть. Послезавтра, на исходе третьих суток, приблизительно в девять-десять часов, вы увидите такое, чего никогда и нигде не увидите в своей жизни. Ну, разве что в мультфильме.

– И что же интересного меня ожидает?

Бердюгин загадочно улыбнулся.

– Можно, я вас маленько поинтригую?..

– Ну что же, договорились: и завтра, и послезавтра я буду.

– Правда, этого трупа, возможно, не будет. Но что-нибудь подберём. А теперь вы можете мне сказать, какого цвета облако?

– Ну-у... Вы знаете, оно мне показалось серебристо-оранжевым.

– Сплошь оранжевым?

– По-моему, у пяток и над головой красное. А где сердце, там крованистое что ли?

– Хм, верно, крованистое, – усмехнулся Бердюгин такому определению. – И что интересно: когда человек убит, над его головой и над сердцем – тёмный окрас; когда же умирает своей смертью, то все облако одного серебристо-оранжевого цвета, и в районе сердца слегка красноватое пятно. И образ, который вы видели под потолком, тоже другой, бледнее, взгляд хоть и грустный, но не столь строгий, пронизывающий. И лицо трупа узнаваемо. Видимо, по обстоятельствам смерти. – Бердюгин посмотрел на угол потолка, взгляд Феоктистова непроизвольно последовал за его взглядом. Анатолий незаметно поёжился. – И со временем мне пришла одна шальная мысль, идея... – Бердюгин, все это время расхаживал по кабинету, тут остановился и сцепил руки перед собой. – Идея, Анатолий Максимович, по-моему, не так глупа.

– Что за идея?

– Идея такая... Словом, я ради неё и посвятил вас в свою тайну... Хочу проверить её с вашей помощью, так сказать, провести опыт. Разумеется, если вы согласны?

– Так говорите. Если она не связана с нарушением закона и не влечёт каких-нибудь...

– Нет, Толя, не влечёт. Но с законом отчасти соприкасается... Но не спешите отказываться! Я вам всё сейчас объясню. – Бердюгин на несколько секунд призадумался, собираясь с мыслями. – Вам часто приходится расследовать преступления с летальными исходами. Да вот, хотя бы взять тот случай, с младенцем. Кажется, до сих пор не нашли его истязателя?

- Нет, нашли. Из Иркутска преступник, залётный, недавно освободившийся.
- Да, но время сколько потеряли. Полгода...
- Времени, действительно, прошло немало. Но что делать? Человечество ещё не изобрело ничего лучшего, что помогло бы безошибочно изобличать преступника.
- Не изобрело? Но это возможно!
- Как?.. Да покажите мне такого человека, я ему первый в ноги поклонюсь!
- Бердюгин рассмеялся горячности Анатолия.
- Толя, может так статься, что вы сами себе и поклонитесь. И мне немножко.
- Не понимаю... Или вы полагаете... – Анатолий показал широко раскрытыми глазами на сейф.
- Да, Толя! Да!.. Ведь я так понимаю, что окрас облака и вид образа, то есть души – это не что иное, как возмущение против насилия. Это, по выражению Бехтерева, нервно-психологическая энергия. А энергии, как известно, свойственно передаваться. И если эта энергия целенаправленная, и душа убитенного протестует против насилия, то она будет, по-видимому, преследовать мучителя, душегуба. Ведь раз есть душа у убитого, то, естественно, существует подобная субстанция и в убийце. Следовательно, их души тоже должны каким-либо образом соприкасаться. Вот, скажем, вас обидели. Затронули вашу живую материю. Вы что станете делать?
- Наверное, отвечу тем же.
- То есть возмутитесь против насилия, оскорбления? Ну, а душа?.. Почему душа не может возмутиться? Почему душа убитого не может прийти в прямое столкновение с душой обидчика? Ведь возможно такое?..
- Анатолий в полном изумлении пожал плечами.
- Ну, я не знаю, что и сказать...
- Может! – твёрдо сказал Бердюгин и вновь заходил по кабинету. – Может. Раз существуют души, как равноправные субстанции, значит, должны существовать и их связи. В природе не может быть ничего не взаимосвязанного. Не может. Мы просто не знаем этого. Мы ещё настолько мало проникли в эту область познания, что не можем объективно судить о ней. Но должна быть связь! В каком виде? – я не знаю. Может эта энергия будет в виде ореола над убийцей? Может в виде скорбного лика пострадавшего? Может быть, ещё в каком-нибудь виде, но она возможна. И вот это мне и хотелось бы установить.
- Как, Игорь Васильевич? Дорогой вы мой, только намекните, – загорячился Анатолий. – Я все, что только от меня зависит...
- Спокойнее, Толя. – Бердюгин подошёл к столу и с облегчением сел, словно только что проделал тяжёлую работу. – Спокойнее. Тут нам горячиться нельзя.
- Хорошо, говорите.
- Я бы, может быть, ещё помедлил. Но тут, что называется, всё налицо: и жертва, и преступники. Это очевидно. Для этого надо немного. Нужно каким-либо образом просветить ваших сотрудников из медвытрезвителя Ультрафеном. Если моя гипотеза верна, то того, кто конкретно повинен в смерти этого человека, мы смогли бы установить.
- Да, Игорь Васильевич, нет ничего проще! – подскочил Анатолий. – Давайте сейчас же поедem в вытрезвитель, и я их там – по стойке «смирно» выстрою.
- И сразу же всё дело погубим.
- Почему?
- Потому что этот прибор не законен. С его помощью сейчас нельзя даже явного преступника уличить. Разобьют или подадут в суд за незаконное применение технических средств. Я же вас предупреждал, что идея моя с законом соприкасается.
- А мы не будем им обличать никого. Мы просто сфотографируем им и только. И если подтвердится ваше предположение, остальное моё дело. Хотя я и без прибора кое-что вижу.

Правда, мне нужно ещё кое-какие детали выяснить. Те же анализы крови на предмет содержания в ней алкоголя.

– Ну, это мы сейчас узнаем. Наверное, готовы.

– Пожалуйста.

Игорь Васильевич повернулся к телефону. И пока набирал номер и пока разговаривал по телефону, он украдкой посматривал на Анатолия. Ему нравилась его горячность, деловитость. И он сам испытывал от разговора с ним удовлетворение.

– Алле, это кто?.. Вера Никитична, голубушка, это Бердюгин. Скажите, пожалуйста, анализы крови доставленного из медвытрезвителя готовы?.. Не все... Ну, хотя бы на содержание алкоголя?.. Так. Ну, спасибо. – Феоктистову: – Нет! Нет, Анатолий Максимович, у пострадавшего в крови алкоголя. Убили ваши brave молодцы ни в чём не повинного человека... Как всё-таки нелепо... – горестно вздохнул врач и положил трубку телефона.

Помолчали. Первым молчание нарушил Феоктистов. Выдохнул со злостью:

– Ну, идиоты! Надо же, – и опустил кулаки на стол. – У них, видать, совсем барометр зашкалил. Ну, ничего, я им его настрою... Давайте решать, как с ними быть?

Бердюгин задумчиво посмотрел на собеседника.

– Даже не знаю...

– Осторожничайте?

– Да, наверное. Просто не хотелось бы, чтобы на первом же сеансе всё рухнуло. Я, Толя, столько лет и труда потратил на этот прибор. Обидно будет, если он сейчас же погибнет. Я ведь насадку не здесь делал, не в больнице. У себя дома и в гараже, там моя мастерская. Знаете, каким был прибор в первом своём виде?.. Раз в десять больше и тяжелее во столько же. – Он усмехнулся. – Вы себе представить не можете, как я его по частям сюда доставлял, здесь монтировал. На каталке катал под простынями, как покойника. В научную литературу ушёл с головой. Можно сказать, заново вузовскую подготовку прошёл. Кандидатский минимум могу сдать по ряду физических дисциплин. Хотя бы по ультрафиолетовым излучениям. По энергетике. Ведь каждый человек ею обладает, только в разной степени. Вот что такое телепатия? Это не что иное, как передача энергии на расстояние. Или внушение, гипноз, экстрасенсорика – тоже энергия. Только одного Бог наградил этим даром больше, другого человека – меньше.

– Вы полагаете, что к этому причастен Бог?

– А вы?

– Природа...

– Хм. А как вы думаете, природой во всем её объёме и многообразии кто-нибудь управляет?

– Да кто же ею управляет? Она сама по себе.

– Заблуждаетесь, молодой человек. Я не религиозный человек, даже не крещён. Но я, постигая многие закономерности жизни, пришёл к выводу – нет в природе случайного и сама природа – есть процесс регулируемый.

Феоктистов снисходительно усмехнулся. Лекция на эту тему ему показалась скучной.

– Ладно, Игорь Васильевич, мы ещё не раз поговорим об этом, будет время, и я вас с удовольствием послушаю. – И, видя, как Бердюгин поджал губы, примолк, сказал: – Не обижайтесь, пожалуйста. Но сейчас меня больше интересует прибор. – Щёлкнул пальцами правой руки. – Давайте к нему вернёмся.

– Ну что же, давайте, – в некотором смущении согласился Бердюгин.

– Командуйте, что нужно сделать? Машину достать? ПМГ подойдёт? С охраной?.. Сейчас организую.

Бердюгин испуганно замахал руками.

– Ни-ни, что вы! Мы же с вами договорились – полная конфиденциальность. А машина у меня и своя есть, маленький горбатенький «Москич-401».

– Хорошо, предлагайте свой вариант.

Бердюгин немного задумался.

– А что, если у этих сотрудников каким-либо образом вызвать интерес к покойному? Чтобы они сами сюда приехали?.. Я бы подготовил прибор, установил бы его на штатив и поставил бы его, скажем, вот сюда...

Бердюгин поднялся и подошёл к свободному углу у двери.

– ...Они приходят, мы их усаживаем за стол, где вот вы сидите. Я бы повёл с ними разговор ни о чём, а вы в это время, как бы прохаживаясь, заглядывая во все углы, в окно, заглянули бы и в прибор... Потом замените меня в разговоре. Я тоже подойду к прибору. Если пожелают посмотреть они, то, пожалуйста. После меня они в него ничего не увидят. Прибор будет подключён не к батареям, а через выпрямитель, и я его незаметно выключу. Прибор станет обыкновенным ночным биноклем.

– Я понял, Игорь Васильевич. Звоню!

– Только, ради Бога, без тени нажима или намёка. – Бердюгин, возвращаясь к столу, делал руками пасы, как гипнотизёр. – Умоляю! Это наведёт их на подозрение.

– Хорошо, хорошо, не волнуйтесь.

Феоктистов поднял трубку телефона и стал набирать номер. Лицо приняло ироничное выражение.

– Аллё!.. Кто это?.. Ах, это ты, Шалыч. Ещё вас не арестовали?.. Ну-ну. Шалыч, у тебя машина под рукой?.. Хорошо. Слушай, вы, когда труп в «скорую» грузили, что-нибудь заметили на нём?.. Ничего, значит, интересного... А татуировку?.. Нет. Тогда я ничего не понимаю. На его теле выступили замысловатые рисунки. Два портрета, чем-то похожие на тебя и Галима. – Феоктистов прикрыл трубку и подмигнул Бердюгину. – Ты что, не веришь?.. Вот почему я и спрашиваю про машину. Давайте, садитесь, и одним махом сюда. Сами убедитесь... Ага, какая-то чертовщина. Ну, ждём. В анатомке...

Феоктистов положил трубку, и они с Бердюгиным рассмеялись.

– Ну, Толя... Ну, Анатолий Максимович... Надо же такое придумать. Экспромт получился на славу.

– А как ещё этих охламонов объе... горить?

Посмеявшись, Бердюгин направился к сейфу.

– Надо прибор настроить. Вы мне сейчас поможете.

Игорь Васильевич открыл сейф и вынул футляры. Феоктистов принял их и положил аккуратно на стол. Обращался с ними, как с чем-то бесценным, волшебным.

Бердюгин достал из-за шкафа штатив для фотоаппарата и стал устанавливать его на то место, куда показывал прежде, у двери возле окна. Привернул на него небольшую площадку.

– Несите сюда прибор.

Феоктистов на столе вынул из тубы трубу, из футляра бинокль и поднёс. Бердюгин прикрепил трубу к площадке ремешками. Затем стал монтировать к трубе поданную Анатолием половину бинокля, при помощи четырёх защёлок. Вернулся к сейфу и извлёк из него небольшой продолговатый прямоугольный предмет – электрический понижающий напряжение выпрямитель. Поставил его на подоконник, подключил от него провода вначале к сети, потом к прибору.

– Ну вот, и готово. Сейчас мы настроим его на то место, где мы с вами сидели. Так. Садитесь.

Феоктистов прошёл и сел за стол. Бердюгин некоторое время устанавливал прибор, поворачивая его из стороны в сторону на штативе. Потом замер, настраивая резкость. Феок-

тистов настороженно наблюдал за ним. В приборе за линзами, переливаясь, мелькали какие-то огоньки.

– Ну что же... Кажется, вы безгрешны, – сказал Бердюгин. – Над вашим челом нет ни одной души. Нет грехов.

– Что вы имеете в виду?

– Убийства, смертей...

– Есть, – не согласился Феоктистов. – Одна. При задержании два года тому назад убил одного мокрушника. Он меня тогда тоже ранил. Меня и моего товарища, Мишу Михалева.

– Помню тот ваш случай, сам оперировал вас и Михаила, – сказал Бердюгин и стал смотреть продолжительнее. Потом поднял голову и отрицательно pokrutil ею. – Нет, Толя, если верить аппарату, то – нет.

– Как нет! Я ж его сам...

– Нет, Анатолий, не вы. Видимо, кто-то другой. У вас голова чистая. Так, лёгкий ореол...

Анатолий несколько обрадовано и в то же время недоуменно посмотрел на доктора и на прибор.

– Неужели Миша?... Он же сам был тяжело ранен.

– Ну, чего не бывает... Теперь, давайте, я сяду.

Бердюгин прошёл к столу, Феоктистов – к прибору, чему-то улыбаясь: от проведённого опыта на душе как будто бы стало легче.

Феоктистов припал к прибору, лицо его начало вытягиваться.

– Ничего не понимаю!.. – удивлённо проговорил он.

– Что? – спросил Бердюгин.

– Над вашей головой, словно нимбы из нескольких колец...

– Хм. Вполне возможно, – спокойно ответил Бердюгин. – Ведь для многих умерших я последний, кто прикасался к их телу, к трупам... Вот оттого-то, наверное, у меня так часто болит голова, порой, её как будто бы обручем стягивает, или верёвочной петлёй, – пожаловался он.

В коридоре слышались шаги, стук кованых сапог.

– Идут! – полушёпотом сказал Феоктистов. – Я у окна, а вы их принимайте. Заговорите их чем-нибудь из сверхъестественных сил, религией. Бывают, мол, случаи... ну и так далее.

– Хорошо, хорошо...

Стоя у окна, Феоктистов принял задумчивый глубокомысленный вид.

9

Вошли Бахашкин и Галимханов. Оба обеспокоенные, в глазах тревога и вопрос. Феоктистов, скрестив руки на груди, медленно повернулся от окна к ним.

– Проходите сюда, товарищи. Садитесь, – пригласил Бердюгин, показывая на стулья, один из которых освободил сам.

Гости прошли, не сводя встревоженных глаз с обоих присутствующих.

Бердюгин, отойдя от стола, прохаживаясь, начал разговор.

– Вы, пожалуйста, уж не сетуйте на меня. На нас... Но иногда в нашей жизни происходят такие чудеса, которые объяснить не сразу возможно... Вы культурные люди, прочитали немало книг, наверно, знакомы с такими примерами из классической литературы, когда умершие вдруг начинают подмигивать или улыбаться, или даже кривить рожицы. Иногда даже поднимаются из гроба. А если взять примеры из Гоголя, там покойники даже летают в гробах, устраивают оргии. Есть случаи, когда слышат в доме голос покойного. А есть случаи, когда убиенные каким-либо образом пытаются указать на своих убийц: то ли жестом, то ли взглядом, то ли...

– Вы что?.. Вы хотите сказать, што этого человека мы убили? – остановил доктора Саша. Лицо его побледнело, но хладнокровие не покинуло.

– Я, молодой человек, ничего не хочу сказать. Это скажет следствие. Я только хотел бы вас предупредить, что если вы, подойдя к покойнику, вдруг обнаружите на его теле что-либо необычное, то не пугайтесь. Ибо природа и Господь Бог ведают, что творят. Это мы не можем предугадать, а им... – Бердюгин многозначительно поднял палец и возвёл к потолку глаза, словно священник на молебне.

За время его беседы, Феоктистов прошёлся дважды вдоль окна к стеклянному шкафу. Прохаживаясь, подошёл и к прибору. С любопытством обывателя осмотрел его. Даже коротко припал к нему глазом, оторвался. Встал, привалился задом к подоконнику и посмотрел на собеседников. Потом, улучив момент, вновь припал к прибору.

Над Бахашкиным алел слабый полукруг. Он чем-то напоминал нимб, который был над Бердюгиным, но слабее. Это насторожило Феоктистова.

Анатолий перевёл прибор на Галимханова и... позабыл про Бахашкина. Над головой Галима алел оранжевый шар и, что самое удивительное, в нём были видны глаза. Казалось, они излучали пучки света негодования и возмущения, направленные в затылок Галимханову. Анатолий заволновался. Он оторвался от прибора и с шумом выдохнул, словно отпыхиваясь.

Бердюгин глянул на него и поднёс ладонь ко рту: спокойно!.. И тут же проделал пальцами движение, напоминающее вытирание уголков рта. Феоктистов понял его предупреждение и повторил выдох уже с безобидно-беспечным видом. Отвернулся к окну.

– Вы верите в Бога? – спрашивал Бердюгин милиционеров.

– Ха! Чё в него верить? Эти сказки нам ещё в школе разъяснили. Нет Бога, – парировал Галимханов.

– А Аллах?

– И Аллаха нет.

– А вы? – обратился Бердюгин к Бахашкину.

Тот пожал плечами неуверенно и растерянно. Чутьём потомственного охотника угадывал опасность.

– А жаль. В Бога надо верить. Но если даже не верить, то хотя бы носить в себе извечные Христовы истины: не убий, не укради, возлюби ближнего, как самого себя... Вам эти истины ведомы?

Бахашкин было закивал головой, Галимханов вдруг вскипел.

– Доктор! Вы зачем нас сюда выдернули? А? Аллилуйя нам читать?..

Феоктистов, после знака Бердюгина, через некоторое время вновь припал к прибору. При более продолжительном просмотре увидел не только глаза над головой Галимханова. Когда тот в раздражении повернулся к доктору, и голова его стала в профиль, то за ней отчётливо проявился профиль головы, обваренного!

И это уже была голова с очертаниями лица пострадавшего, со шлейфом оранжевых волос, с постепенным низведением их в пустоту. А лучи, исходившие из глазниц, как две узкие яркие струи света, били ему прямо в затылок. Создавалось такое впечатление, что они пытаются прожечь его, но лишь искрами рассеивались от чёрной оболочки головы Галима, как от каски. Похоже, эта броня была не прожигаемой.

«Неужели такое может быть?! – Прошептал поражённый Анатолий. – Чу-де-са!.. Убийца! Вот он, убийца! И с железобетонным черепом».

Феоктистов оторвался от прибора и повернулся к окну, чтобы успокоить волнение. Потом пришёл на помощь Бердюгину, незаметно сделав тому знак: подойти к прибору...

– Так говоришь, для тебя Бога нет, и Аллах тебе не авторитет?.. – не спеша, проходя по периметру кабинета, спросил Анатолий.

Галимханов уставился на него с подозрительностью.

– А жаль. Кому-кому, а тебе, Галим, надо было бы перед кем-то из них покаяться.

– С чего это вдруг?

– Грехов за собой не чувствуешь?

– Хм. Может док или ты попы, а нам перед вами исповедоваться?

Доктор, подаваясь к окну, проговорил:

– Я, молодой человек, в священники не гожусь. На моей душе грехи есть. Хирургу, похоже, невозможно без них. А вот вам, как говаривал незабвенный Феликс Эдмундович, нужно обладать холодной головой, чистыми руками, и горячим сердцем. Вы уж извините меня, что я вам напоминаю прописные истины...

– А что тут извиняться? – прервал доктора Анатолий. – Всё правильно... – обратился к Бахашкину. – Шалыч, прежде чем Игорь Васильевич вас впустит в анатомку, давай поговорим по душам. Ты же не первый десяток в органах, и понимаешь, что бывает с теми, кто превышает свои права, полномочия, – узкие щёлочки глаз бурята дрогнули в тревоге. – Поэтому давай на чистоту. Прежде, чем задержанного определить в душевую кабинку, ваш док осматривал его?

Наступило молчание. Глазки бурята забегали то на Галимханова, то на Феоктистова. Он заводил руками по икрам; на казанках пальцев потемневшие от йода ссадины. Заметив на них взгляд Анатолия, Шалыч смутился и спрятал кисти рук меж ног.

– Да нет, кажись... – ответил он неуверенно.

– Ты чо мелешь?! – воскликнул Галимханов. – Осматривал!

– Хм. И какую же он определил степень опьянения?

Друзья переглянулись.

– Мы не знам... Он знат... – заговорил Шалыч.

– Шалыч...

– Да чо ты к нему пристал? Малина получила от нас все необходимые показания. Ей заниматься должностными нарушениями, а не тебе.

«Ага, Галим нервничает, пытается сбить разговор». Феоктистов продолжительно посмотрел на Галимханова, с насмешливым прищуром, с ехидцей.

– Што смотришь, как Ленин на буржуазию? – спросил Галимханов с раздражением.

Анатолий усмехнулся.

– Слушай, Саша, в вашем деле нарушением и не пахнет.

– А чем же?

– Преступлением. Уголовщиной. Удивляюсь я твоей наглости. Здорово же ты в ней поднаторел в своём вытряхвителе.

– Неушта? – хмыкнул Галимханов.

– Почему «неушта». Очень даже ушта. Шесть лет назад ты был совсем другим. Весёлым, простодушным, порядочным, можно сказать, парнем. А сейчас?.. Озлобленность, наглость, дерзость и, что самое отвратительное, безответственность. От безобидной шалости, таких, как обирание пьяных, до убийства...

– Какое обирание? Какое убийство? Ты, граф, говори, да не заговаривайся!

– То, что вы, кроме должностного оклада, ещё прирабатываете тем, что изымаете у своих пациентов грóши, мне тут не надо и доказывать. У вас это обыденное дело. Вас в вытряхвитель это и притягивает. По крайней мере – тебя. К вам ведь туда целая очередь на работу. И людей-то подбирают послушных да покладистых. На чём наживаются, а! Крохоборы.

– Граф, слушай, я ведь не посмотрю, что ты следак. Могу съездить и по морде вашей светлости.

– По морде?! Но ты! Ты сейчас имеешь дело не со своим подопечным. Я-то тебе живо руки пообломаю по самые лопатки, и штанишки поддержать будет нечем.

Феоктистов покраснел от ярости. Галимханов отвёл от него глаза и потупился. Но, ещё не сдаваясь, пробубнил:

– А чо оскорбляешься?.. Ишь, начальник большой стал. Счас начальник, а как надо кого из знакомых выручать из вытрезвлюхи, так сразу ко мне: «Саша, надо... Саша, без записей, – передразнил Феоктистова. – А то у мужика на работе неприятности будут. Саш, будь другом...» А счаза вот как на друга наезжает.

– Так вы ж, идиоты, без разбора гребёте. Вон, как этого, что сейчас в секционной лежит. Угробили ни в чём неповинного человека. Хотя бы пьяный был...

– Как?! – воскликнул Бахашкин, подскочив, как будто его ошпарили или подрезали из-под низу, и медленно осел на стул. – Пошто: хоть бы пьяный был? Он и был пьяный!

– А ты его нюхал, на запах проверял? Или ваш доктор?.. Сейчас получили анализ крови – алкоголь отсутствует. А при вскрытии установлен – инфаркт.

Бахашкин и Галимханов вытаращили на него глаза.

– Так что, Шурик, перефразируя известных авторов: ищите алиби. Да такие, чтобы они были весомее самой смерти человека.

Бердюгин отошёл от прибора взволнованным. Феоктистов глянул на него и незаметно показал кулак с оттопыренным вверх большим пальцем: класс!..

К их обоюдной радости ни Шалыч, ни Галим не заинтересовались прибором. Им стало не до него. Хотя поначалу у Галимханова возникало желание, если не посмотреть в эту штуковину, то спросить о ней. Забыл. Все из башки выскочило к чертям!

– Так это... Инфаркт может случиться и сам по себе? – проговорил Саша изменившимся голосом. В горле у него пересохло.

– Да, – ответил Бердюгин, – может. Но в данном случае ему предшествовали нервные стрессы, и самые, видимо, серьёзные – это физические страдания, которым он подвергся.

– Вы так думаете или у вас есть доказательства?

– Почему же думаю? Я знаю. Об этом вам скажет любой хирург, терапевт.

– А... а... – заикался Саша, – судебно-медицинская экспертиза? Как она?..

– Уважаемый, вы не извольте беспокоиться на этот счёт. Заключение медэкспертизы скоро будут готовы. Собственно, они уже почти готовы, и Анатолий Максимович скоро будет иметь один из этих экземпляров.

– Ты удовлетворён ответом? – жёстко спросил Феоктистов.

Галимханов неуверенно дёрнул плечом. Он и Бахашкин были сбиты с толку и подавлены.

– Ну, раз так, мы вас больше не задерживаем. Можете быть свободными. Пока свободными, – многозначительно сказал Феоктистов. – А на счёт татуировки – я пошутил. Идите.

Шалыч и Галим тяжело поднялись и направились к выходу. У входа Бахашкин отчуждённым, растерянным взглядом обвёл прибор на штативе и вышел, как оглушённый.

– Удивительно! – воскликнул Бердюгин, как только милиционеры вышли и закрыли за собой двери.

– Потрясающе, Игорь Васильевич! Я чуть было не закричал от увиденного. Игорь Васильевич, какой вы умница! Примите мои поздравления. Это же переворот в криминалистике. Это ведь почище всяких детекторов лжи!

– Да, Толя, признаться, я это и хотел увидеть.

Феоктистов схватил руку доктора и с жаром потряс её.

– Я просто не нахожу слов, Игорь Васильевич. Одним словом – гениально!

– Спасибо, друг мой! И всё-таки не шибко... зазнаюсь.

Оба рассмеялись.

– Толя, вы всё поняли? Кто есть, кто?

– Да! Шалыч косвенно причастен, надо полагать. Нимб над его тыквой слабый. А вот Галим!.. Ему душа убиенного жжёт макушку. Он убийца!

– Ну, вот теперь, Анатолий Максимович, дело за вами: удастся ли вам установить виновность Галимханова? Тем самым – подтвердить наш эксперимент судебным решением.

– На это, думаю, много времени не потребуется.

– Только, Толя, пожалуйста, без горячки. Тут, понимает, нужна скрупулёзная обработка дела, деталей. Ведь ваша работа потом ляжет в основу научного обоснования. А если наше с вами доказательства будут слабыми, то вся работа будет низведена на нет. Это, – показал на прибор, – останется лишь забавной игрушкой. Если ещё останется? Понимаете?

– Игорь Васильевич, дорогой, я все прекрасно понимаю и разделяю ваше беспокойство. Но факт преступления очевиден, и я все детали следствия уже вижу. – Бердюгин утвердительно кивнул. – Сейчас мне нужен Вася Мизинцев. Он как, в состоянии будет со мной встретиться?

– Думаю, что да. Но говорить он вряд ли с вами сможет. Больше мычать да шипеть.

– А писать?

– Писать, пожалуй. Руки ему не отбили.

– И с медбратом тоже надо повстречаться.

– Ну, с этим проще. Его, наверное, отпустили.

– Вот это плохо. Его надо срочно перехватить!

– Я сейчас позвоню в приёмную и узнаю... – оживился Бердюгин и поспешил к телефону. Набрал номер. – Кто?.. Маичка, где Глотко?.. Уехал. Ну что же, спасибо, Мая. – Положил трубку и повернулся к Феоктистову.

– Жаль, – проговорил Анатолий. – Тогда я пошёл к Мизинцеву.

– Я вас к нему провожу. Только уберу прибор. Кстати, подумайте, как нам назвать его?

– Как! А у вас разве нет названия? – Феоктистов подошёл к доктору и стал помогать ему.

– Есть. Но думал, может вы что-нибудь своё подскажете.

– Я даже не знаю... Скажите, какое вы ему дали название?

– Ультрафен.

– А что?! Красиво. Вон, какие причёски наводит!

Оба засмеялись.

10

В подземном переходе им встречались люди, в основном женщины в белых халатах. Бердюгин здоровался с ними, слегка кивая головой. Не заходя в «приёмный покой», вышли к лестничному маршу. Поднялись на второй этаж. Войдя в двухстворчатую дверь, попали в холл.

– Игорь Васильевич, нельзя ли пару-тройку листиков бумаги и ручку в ординаторской прихватить? – попросил Анатолий.

– Сейчас, подождите, – Бердюгин повернул налево и по мягкой дорожке прошёл в ординаторскую.

Полы в холле были застелены ковровыми дорожками, паласами, у окна – ящики с цветами. В левом углу стоял телевизор на чёрной тумбочке. У окна, под высоким цветком, журнальный столик с медицинскими журналами, газетами, брошюрами. Справа – кожаный диван и несколько стульев. Обстановка мягкая, располагающая к отдыху. По периметру зала стояли и сидели несколько больных: у кого на руках, у кого на ногах аппараты Илизарова. Больные тёплыми взглядами встречали Бердюгина.

Феокистов с интересом осматривал больничную обстановку, в которой два года назад привелось быть в качестве пациента. В интерьер холла добавилось несколько цветов, их стало больше. На окнах зеленоватые портьеры.

Из ординаторской вышел Бердюгин, держа в руке листочки писчей бумаги и шариковую ручку.

Палата была четырёхместная. В ней кроме Мизинцева никого не было. Кровать стояла у окна, и солнце, заливая ярким светом палату, согревало своими лучами больного сквозь простыню, под которой тот лежал. Мизинцев смотрел на вошедших, но бледное лицо в черных кровоподтёках под глазами и в ссадинах, не проявляло к ним никакого интереса.

Они подошли к кровати. Бердюгин пояснил:

– Он после уколов, местной анестезии. Пожалуйста, недолго, – и оценивающе оглядел больного.

Феокистов понимающе кивнул и, когда врач ушёл, положил на тумбочку принесённые с собой листы пиццей бумаги и ручку.

– Привет, Васёк! – сказал он и присел к нему на край кровати. – Ну, как ты?

Мизинцев что-то хрюкнул в нос и вздохнул.

– Да-а, – сочувствующее покачал головой Феокистов, оглядывая его. – Здорово тебя отделили. Кто так постарался? Только не говори, что это у тебя наследственное.

На глазах парня заблестели слезы.

– Ну вот, значит, я правильно понял: тебе больно об этом вспоминать. Но ещё больнее будет, если ты не расскажешь, как всё произошло? Это раз. И второе – кто делал тебе столь впечатляющий макияж?

Мизинцев отвернул в сторону голову, и с его глаз скатилась на подушку слеза.

– Василёк, ты не подумай, что я издеваюсь, но если ты и в самом деле будешь утверждать, что ты в пару играл с собственной головой в футбол, катал её по кафельному полу, то... – развёл в стороны руки, – извини, кроме насмешки ты ничего не заслужишь. Поэтому, давай говорить серьёзно. Договорились?

Мизинцев тупо смотрел в окно.

– Договорились, – подытожил Анатолий, принимая его молчание, как согласие. – Так вот, Василёк, дело твоё хоть и омрачено пребыванием в больнице, однако, это не так ещё страшно. Это временное явление. А вот то, что твои друзья-приятели на тебя вешают сваренного, это, браток, посложнее.

Василий повернул голову и посмотрел на следователя выжидающе. Кажется, у этого мальчика светлеет в мозгу.

– Мне кажется, что ты мне ещё не веришь? Ну что же...

Он достал из кармана рубашки два листочка из амбарной книги в полоску, развернул их и подал: читай...

Мизинцев взял показания Бахашкина и Галимханова.

Феоктистов не мешал ему, наблюдал за ним. На его лице проступило искреннее сочувствие к парню. «За что же он его так? Мясник», – подумал Анатолий о Бахашкине.

Мизинцев прочитал показания и подал листы обратно. Вновь отвернулся и тяжело вздохнул, сдерживая подступающее рыдание.

– Ну и это ещё не всё. Дело в том, что пациент ваш был трезв. Брали кровь на анализ: алкоголь отсутствует. И умер он от инфаркта. Болен он был ишемией. И то, что вы с ним проделали, привело его к смерти. Убит он вами. Кем конкретно, мне бы и хотелось установить. Если ты после этого... – показал листки, сложенные в четвертинки, – и того, что я к этому только что добавил, возьмёшь вину на себя – твоё дело. Вешай себе на шею ярмо. Бери грех на душу...

Мизинцев замотал головой из стороны в сторону, выражая, как видно, протест, хотел ещё что-то сказать, но зафиксированные челюсти не позволили выразить мысль словами. Получился стон.

– Тихо-тихо, Василий, лежи и не напрягайся. Я так понимаю, что ты готов обо всём рассказать?.. – Василий прикрыл глаза. – В таком случае, давай так сделаем. Вот тебе бумага, ручка, и ты подробнейшим образом все изложишь. Договорились? – Парень стёр с лица слезы. – Подняться к тумбочке сможешь?.. Ну, тогда давай помаленьку. Я тебе помогу.

Анатолий осторожно за плечи, приподнял больного, посадил и подложил под спину подушку.

– Пиши, не торопись. И поточнее, каждая деталь важна. Тебя кто, Галимка отделал?.. Нет, Шалыч? Вот шайтан! Как же ты ему поддался, Василий? Вроде парень не из выболевших?..

Из рта Мизинцева послышался шипящий звук, похожий на «жж...».

– Неожиданно?

Тот кивнул. Феоктистов усмехнулся.

– Ну, как же, начальник. Положено. Вы ж у него крепостные. Ударил по правой щеке, подставь левую. Уважить надо, а то как же. Я заметил на его казанках сбитые места. Бил насмерть.

Мизинцев непроизвольно издал стонущий звук.

– Хорошо-хорошо, не буду. Пиши. Я пока пойду, покурю. Кстати, у тебя есть курево?.. Я тебе оставляю.

Достал пачку «радопи», две сигареты выдернул себе, пачку бросил на тумбочку.

– Вот. На сегодня хватит, а там, поди, друзья-сотоварищи позаботятся.

По телу Василия прошла холодная дрожь, он поёжился.

– Ну, пиши, не буду мешать.

Анатолий ушёл. Мизинцев нехотя взял ручку.

11

Феоктистов заглянул в ординаторскую, спросил:

– Я могу видеть Игоря Васильевича?

Ему ответил молодой доктор.

– Он у завотделения Пежемского.

Анатолий прошёл дальше по коридору. Открыл следующую дверь с дощечкой под стеклом «Заведующий отделением».

В кабинете находились двое: заведующий, почтенного возраста человек с пышной курчавой шевелюрой, приплюснутой сверху плешинной, и Бердюгин. Игорь Васильевич, увидев Анатолия, поднялся и пошёл ему навстречу.

– Что у вас? – спросил он, прикрывая за собой дверь.

– Пишет, – ответил Феокистов, кивнув на палату. – У меня к вам просьба, Игорь Васильевич. Поскольку у меня появилось время, не могли бы вы организовать мне телефончик? Но так, чтобы я мог поговорить без свидетелей.

– Понимаю. Пойдёмте к старшей медсестре. Она человек с понятием, я думаю, разрешит.

По мягким дорожкам прошли вглубь коридора к окну. Бердюгин постучал в дверь, на которой была прикреплена дощечка «Старшая медсестра».

– Да, войдите, – слышался женский голос за дверью.

В кабинете за столом, повернувшись к вошедшим, сидела женщина средних лет. На голове её возвышался высокий русский шиньон. Он делал её старше, серьёзнее, как заметил Анатолий, – монументальной женщиной. Гроза, как помнится, всего медперсонала.

– Клавдия Сергеевна, познакомьтесь. Следователь уголовного розыска, Феокистов Анатолий Максимович.

Женщина кивнула:

– Да помню, помню его, подстреленного, – улыбнулась она.

– Клавдия Сергеевна, пожалуйста, не в обиду...

– Нужен телефон? – перебила женщина. – Пожалуйста.

Она поднялась, кивнула следователю на телефон и, взяв Игоря Васильевича под руку, вместе с ним вышла из кабинета.

Феокистов достал записную книжку и, подойдя к столу, снял трубку. Набрал номер.

– Аллё, это ЛОУТ?.. Пожалуйста, Шпарёву Юлию Петровну... Ах, это вы. С вами говорит старший следователь уголовного розыска, капитан Феокистов Анатолий Максимович, – он присел на стул.

– Очень приятно. То есть слушаю, – слышался в трубке торопливый голос.

– Я звоню вам по поводу вашего заявления. С того времени, как вы подали его и до сего дня, у вас что-нибудь изменилось?

– Нет.

– Значит, заявление остаётся в силе?

– Да-да, пожалуйста! Я прошу вас, – Шпарёва, похоже, прикрыла трубку рукой, голос стал звонче, вибрирующий, готовый сорваться на рыдание.

– Юлия Петровна, спокойнее...

– Хорошо-хорошо.

– Юлия Петровна, мне необходимо встретиться с вами.

– Когда угодно... Но желательно не на работе.

Феокистов посмотрел на часы на руке.

– Сейчас шестнадцать двадцать. Вы, до какого часа работает?

– До шести.

– Если не возражаете, то давайте в часу, скажем, седьмом, и... – и, сам того не ожидая, предложил: – у вас дома, удобно?..

– Да, вполне. Я в половине седьмого постараюсь быть, и буду вас поджидать. Подходите.

– Договорились. Я с вами не прощаюсь.

Феоктистов положил трубку и болезненно поморщился: зачем?.. Перед глазами вновь возникла славненькая девчушка в коротенькой юбочке, с загорелыми ножками... Он тряхнул головой, но наваждение не проходило. Виноватые влажные глаза, доверчивая, мягкая улыбка... Он глубоко вздохнул.

– Совсем девчонку засмущаю. Может притвориться, сделать вид, что впервые вижу? – спросил он себя и забарабанил пальцами по столу. И хоть испытывал смущение за своё неожиданное решение – появится у девочки дома – подсознательно же его влекло к ней, и этому импульсу он не смог противостоять. Какое-то наваждение...

12

В палату вошёл Бахашкин. Он был в белом халате, накинутом на плечи. Вошёл тихо, словно подкрадывался или изображал из себя виноватого и покорного зверя.

Мизинцев обернулся на слабый стук двери и испуганно засуетился, хотел спрятать листы в тумбочку, и это ему почти удалось. Однако Бахашкин заметил его суетливость, насторожился.

– Прифет, Васса!

Тот достал из-под себя подушку, положил её в изголовье и прилёг. На приветствие Шалыча не ответил.

Шалыч с кошачьей осторожностью подошёл к кровати, посмотрел оценивающе на Василия. На смуглом лице посетителя не промелькнуло и тени сочувствия. Однако он заботливо спросил:

– Ну, как ты, Васса?.. Вот пришёл тебя попрафедать. Принёс тебе тут кое-что. – Показал сетку. В ней находилась литровая банка томатного сока, две бутылки «нектара» с мякотью, две маленькие плитки детского шоколада и несколько пачек дешёвых сигарет «дымок».

– Тебе куды это положить, а?..

Шалыч наклонился к тумбочке. Вася резко приподнялся на локоть, намереваясь рукой придержать верхний ящичек. Однако рука Бахашкина преодолела её сопротивление и открыла ящик. Он увидел исписанные листы. Запустил руку вовнутрь, сгрёб их в горсть, и отшагнул к окну. На подоконнике аккуратно кулаком разгладил, поднял к глазам писанину и начал читать. Он загородил собой солнечный свет, и на Мизинцева ложилась его тяжёлая тень.

Василий со страхом следил за Шалычем. Глаза его тревожно бегали по палате, ища защиты, натыкались на дверь, поджидая Феоктистова. Наконец он сбросил с ног простыню и, перекатившись через соседнюю кровать, попытался выскочить из палаты.

– Стой, сабака! – услышался сзади резкий окрик и стук сапог.

Бахашкин настиг Мизинцева у двери и, схватив за пижаму за шиворот, рывком дёрнул назад. Вася, едва не падая, провыл что-то, пытаясь звать на помощь. Шалыч зло ткнул ему в спину кулаком, и тот, пробежав по палате, присев, спрятался за свою кровать. От страха он потерял над собой контроль и ещё немного полез бы под кровать. Бахашкин вновь поймал его за шиворот и поднял, как котёнка.

– Васка, ты пошто такой дурак, а?.. Большой, а соображая нету.

Он швырнул больного на постель. У Бахашкина, и без того плоское смуглое лицо потемнело ещё более, и казалось, округлилось, в щёлочках глаз засверкал дикий блеск. Мизинцев, перевернувшись на спину, с ужасом смотрел на него.

– Васса, мы с тобой как дагаваривались, а?.. Я тебя об чём просил, а?.. Ты меня што, живьём закопать хош, да, гнида?.. – вибрирующим от злости голосом шипел Бахашкин. Он медленно присел на кровать и обеими руками, как коршун, нацелился на горло Мизинцева.

– Нет! Нет!.. – сипел стянутыми челюстями Вася, пытаясь выползти из-под Шалыча.

Короткие толстые пальцы на мгновение замерли над лежащим, потом собрались в кулаки. Один из них опустил на голову парня.

Палата встряхнулась, и потолок навалился на больного...

Мизинцев пришёл в себя от боли в челюсти, от шлепка по щеке. Шалыч приводил его в чувства.

– Ва-аска, извини, не хотел я. Прасти, дарагой. Совсем нерва ни к черту... Совсем больным сделался... – бормотал Бахашкин чуть не плача. – Вот работа, пропадай она в пропасть. Васка, прасти, а? Ты вспомни, как я тебя любил, сабаку такую? Тебя больше, чем

Сашку. Тебе и карманных старался больше давать. Так, да?.. Я себе того не отстёгивал, што тебе отдавал. Вот честна слово! – приложил руку к груди... – Любил я тебя, ага. Ну, побил маненько, так это не со зла, однаха, нерва. Ох-хо! – вздохнул тяжело. – Пойми меня, однаха. Не хотел я. Получилось так... Дома папа, бывает, тоже побьёт детей, так и што? На каждый поджоппник внимания обращать, да?.. Злиться, да?.. Заживёт, Васка, и мы опять будем вместе работать. И я опять тебя любить буду. И получать ты теперь больше будешь, чем раньше получал. А? Васса?.. Зачем на меня пишешь рапорт, а? Неужто у тебя савсем совесь пропала, а?.. Вспомни, как ты ко мне просился, а? Я ить тебя принял. А мог бы и другова, аха. Вас вона сколь желающих на рупь дармовой. Худо ли по окладу, а то и боле ишо прирабатывать, а?.. Пьяных-то вона сколя в городе. За месяц сотни-полторы, и по десятке с каждого хотя б, а? Однаха, неплоха, а?.. Васка! Будь и ты шело человеком, а?.. Не пиши, не надо. Давай я это порву, а ты больше не пиши, аха? – Бахашкин скомкал листочки, сломал ручку и все это засунул себе в карман бридж. – Так она лучше будет, аха?.. Но-о, Васса, если ты будешь сукой, я тебя... как паута: на шею петлю надену, а в шиколадку соломку вставлю. Ох, и высоко ты у меня запорхаш.

Бахашкин закрутил пальцем и повёл рукой снизу-вверх, изображая полёт насекомого. На грубом лице бурята промелькнула шальная ухмылка. Мизинцев закрыл глаза.

– Так ты, Васса, понял об чём я прошу, а?

Мизинцев согласно затряс головой.

– Смотри, паря, если што, я тебя везде найду... Говори всем, што падал. Лицом об кушетку, об пол убился. Темно было, туман был, плохо видел. Аха, а?

Мизинцев тряс головой. Но глаза его постоянно косились на дверь. Он ожидал появления Феоктистова, того же, как назло, не было. Вот так всегда!..

Василий боялся. Очень боялся. Но даже ни самого бурята, а боли. Ту, которую он пережил, ему хватит до гроба. А Вася до жути не хотел её повторения. Ему нужна передышка, и он готов её заполучить любыми способами: унижением, слезами, согласием на любые сделки. Но уж потом... Потом будет праздник и на его улице. И уж какой праздник!

Он уже представлял, что первый выстрел из пистолета он сделает буряту в правую ключицу. Шалыч первый удар нанёс правой рукой. Второй выстрел – в ногу, и тоже в правую. И третий, контрольный – в голову. Но последний после того, как насладится его муками...

– Ну, раз так, то вот: пей, ешь, кури, – обрадовано заговорил Шалыч. – Мало будет, я потом ишо принесу. Я скоро потом приду, аха, попрафедую... Саша тебе прифет передавал, однаха, забыл было. Совсем с ума с вами выжил... Ну ладно, я пошёл. Машину нельзя долго держать, понадобится скоро может. Вечер скоро, ага. Работать надо. И за тебя трудица будем, аха. Деньги зарабатывать. Выйдешь с больницы, а у тебя уже вот такой карман будет.

Шалыч поднял ладонь над карманом галифе и, показав ею окружность над ним, засмеялся ободряюще. Жёлтые зубы сверкнули в оскале. Подхихикивая, словно сбрёхивающий пёс, взял в обе руки безвольную руку Мизинцева и, осторожно потрясывая её, попрощался:

– Пока, Васса. Не скучай и паправляйся. А на меня не сердиса. Я побил, я и пожалею. Будь хорошим шело человеком, а не сабакой, и я к тебе буду хорошим. Я ить тебя, как сынка полюбил, аха.

Он наклонился, готовый поцеловать парня, но передумал.

– До свидания, Васса. Лечиса.

Ушёл косолапой, покачивающейся походкой, как будто с тяжёлой ношей на плечах.

Солнце ослепило бледное лицо Мизинцева, его слезившиеся глаза, подрагивающие губы. Он с облегчением вздохнул.

13

«Так. Вернёмся к нашим убийцам. Что-то я хотел?» – мысленно спросил себя Феоктистов.

Взгляд его был направлен на репродукцию с картины Васнецова, что висела на стене над столом. На ней добрый молодец увозил девицу на сером волке. «Хороший волк, в любви знает толк...» – усмехнулся сам себе, – поэт! – взгляд его опустился на календарь, напечатанный ниже картины, и остановился на цифре тринадцать. Тринадцатое... М-да, весёлый денёк, ничего не скажешь.

Стал просматривать записную книжку. На страничке с пометкой «медвытрях», нашёл запись и оживился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.